

**ВАСИЛИЙ
АВЕНАРИУС**

ВО ЛЬВИНОЙ
ПАСТИ

Василий Авенариус

Во львиной пасти

«Public Domain»

1899

Авенариус В. П.

Во львиной пасти / В. П. Авенариус — «Public Domain», 1899

«В средних числах августа 1702 года над Балтийским морем разразилась жестокая буря. Бушевала она трое суток. На четвертые у нее дух заняло, и она угомонилась. „Морскую чайку“ („Seemowe“), трехмачтовое купеческое судно, пять недель назад вышедшее из Любека с грузом колониальных товаров для шведской крепости Ниеншанц на Неве-реке, слегка еще только покачивало, подбрасывало умирившимися волнами...»

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	22
Глава шестая	27
Глава седьмая	32
Глава восьмая	39
Глава девятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Авенариус

Во львиной пасти

Историческая повесть из эпохи основания Петербурга

Часть первая

Глава первая

*Из дальних странствий возвратись,
Какой-то дворянин, а может быть, и князь...*

Крылов

*Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои!*

Тютчев

В средних числах августа 1702 года над Балтийским морем разразилась жестокая буря. Бушевала она трое суток. На четвертые у нее дух заняло, и она угомонилась. «Морскую чайку» («Seemowe»), трехмачтовое купеческое судно, пять недель назад вышедшее из Любека с грузом колониальных товаров для шведской крепости Ниеншанц на Неве-реке, слегка еще только покачивало, подбрасывало умиравшимися волнами. Нам, избалованным усовершенствованиями судостроения последних двух веков, пузатый кораблик этот показался бы, быть может, довольно бесформенным и неуклюжим. Но шкипер судна Фриц Бельман считал свою «Морскую чайку», особенно с распущенными, как теперь, белыми крыльями-парусами, первой морской красавицей в мире. Даже после трехдневной отчаянной борьбы с разгулявшимися стихиями в туалете красавицы замечались сравнительно лишь маловажные изъяны: только на бизани (задней мачте) разнесло штормом брамсель (верхний парус), да на бушприте (носовой, наклоненной вперед за водорез мачте) из трех треугольных парусов не досчитывалось бомквивера.

Бессменный на своем посту Фриц Бельман зорко посматривал вперед, по временам поднося к глазу подзорную трубу. Давно уже по правому горизонту тянулась туманная береговая полоска; а вот впереди показались из волн и очертания какого-то острова. Совершая этот рейс не в первый раз, Фриц Бельман тотчас узнал, конечно, Крысий остров (Ratzen-Insel), который у финнов носил название Котельного (Ретусари), а русскими переименован был в Котлин. Но пустынный в иное время островок со скудной растительностью и несколькими убогими рыбацкими лачугами, которых, впрочем, за дальностью расстояния покуда нельзя было еще и разглядеть, – представлял теперь, видно, что-то необычное: шкипер не отнимал уже от глаза подзорного стекла, и лоб его мрачно нахмурился. Опытный глаз моряка различил три военных морских судна под шведским флагом: два корвета (трехмачтовые с надпалубными пушками) и один бриг (двухмачтовый), последний по всем признакам – сторожевой крейсер.

– Опять пойдет эта проклятая проволочка с паспортами! – проворчал про себя Фриц Бельман, которому вспомнилось, что молодой шведский король Карл XII два года ведь уж воюет не на жизнь, а на смерть с молодым же московским царем Петром I. Ну, а против этого неугомонного воителя, который во что бы то ни стало хочет вдвинуть свою азиатскую державу в число европейских государств и неустанно теснит шведов, последним поневоле приходится принимать всякие предохранительные меры, хотя бы во вред международной торговле.

Тут внимание шкипера было отвлечено спорящими голосами за его спиной. Он оглянулся.

Сидевший под грот-мачтой, поджав под себя ноги, юный матросик горячо препирался о чем-то с прислонившимся тут же к мачте юношей в цветной ливрее и за спором забыл на время даже свою работу – нашивку полотняного пластыря на разодранный бурей бом-кливер.

– Что у вас там опять? – окрикнул их издали начальник судна. – Ганс, поди-ка сюда!

Матросик разом присмирел и усердно взялся снова за иглу. Ливрейный же собеседник его шутя фыркнул на него кошкой и скрылся в люк под палубу, откуда уже через некоторое время донесся жалобный зов:

– Lucien! he, Lucien!

Шкипер признал, однако, нужным поддержать субординацию и еще строже прежнего гаркнул:

– Ганс!

Гансу ничего уже не оставалось, как приподняться и предстать пред грозные очи начальника.

– Что ты, бездельник, оглох, что ли? – грубо накинулся тот на него и наделил его такой пощечиной, что малый чуть устоял на ногах. – Зову-зову, а он и ухом не ведет! Из-за чего у вас вышел опять шум-то с этим пустомелей-французом?

– Да помилуйте, герр капитен, – старался оправдаться матросик, придерживая рукой вздувшуюся щеку, – он говорит, вишь, что еще до шторма дул изрядный марсельный ветер...¹

– Ну?

– А мы шли в бейдевинде², бакбортом...³

– Так что же?

– А то, что нам загодя еще надо было убрать брамсели⁴ и лавировать к южному берегу. Тогда-де и бизани нашей ничего бы не приключилось.

– Что он смыслит, щенок! Sapperment! – буркнул Фриц Бельман; но темный румянец, проступивший сквозь бронзовый загар его обветрившегося лица, помимо воли его выдал, что замечание «щенка» попало не в бровь, а в глаз.

У Ганса же настолько чувствительно горела его щека от тяжелой руки шкипера, что смущение последнего еще более его подзадорило.

– Хоть и щенок он, этот Люсьен, а всячески, слышь, был уже матросом в Тулоне и пригляделся к морскому делу, – продолжал он. – Вы сами, я чай, герр капитин, видели, как он при первой же команде вашей «К марсам!» раньше всех нас влез по ванте⁵ на грот-мачту и стал убирать грот-брамсель. А как убрали, так не слез вниз, а уселся там на стеньге⁶, как птичка на дереве, да соловьем защелкал. Французы на все ведь руки мастера, хоть этот-то с лица, пожалуй, больше на азиата смахивает...

¹ Марсельный ветер – ветер, при котором можно идти на марселях – средних парусах.

² Бейдевинд – круче полуветра.

³ Бакборт – правый борт.

⁴ Брамсели – верхние паруса.

⁵ Ванты – толстые смоляные веревки, держащие мачту с боков.

⁶ Стеньга – второе колено мачты.

– Ладно! – оборвал тут болтуна начальник. – Все уши протрещал! Марш за работу, и чтобы я не видел уже вас вместе!

Тем временем «азиат-француз» спустился под палубу, где в «пассажирской каюте» – тесной, полутемной и душной каморке – не одну уже неделю томился, лежа пластом, его господин, молодой человек лет двадцати двух.

– И куда это ты, братец, опять запропал? Точно меня и на свете уже нет! – укорил он своего камердинера, но не по-французски, а по-русски.

Тот испуганно приложил к губам палец.

– Тс-с-с, мосье! Неравно услышат.

– Не услышат, волны в стенки так и бьют. Ты вообще, Лукашка, трус изрядный. Поддай-ка сюда лимон.

Обсасывая свежий ломтик лимона молодой человек, соскучась, видно, в своем одиночестве, продолжал разговор:

– А нового чего нет ли?

– Есть, – отвечал Люсьен-Лукашка, – видел я нынче поутру тюленя.

– А он тебя видел? Камердинер рассмеялся.

– Не погневись: не заметил.

– Ну, а нас с тобой здесь еще не заметили? Ничего не супсонируют?

– Матрос Ганс и то уже допытывался: с чего это у меня глаза щелочками и скулы врозь?

– Не диво, коли калмык!

– Отец у меня, сударь, точно, был из калмыков, но матушка – русская, – серьезно возразил калмык, – и сам я крещен в православной вере.

– Да рожа все же калмыцкая. Но по-французски ты говоришь весьма сносно – настоящим лакейским жаргоном.

– В три-то года времени как не перенять? И по-немецки я тут на корабле за пять недель порядком наострился. А все сдается мне, сударь, что мы на пагубу свою лезем прямо в пасть львиную, совсем вот как намедни в цирке – помнишь ведь? – укротитель зверей клал голову свою в пасть льву.

– Вот именно! – подхватил господин. – В этом-то для меня и букет всей авантюры: из львиной пасти выйти невредимым!

– Да выйдем ли?

– А почему бы нет? С Невы до наших аванпостов рукой подать.

– Но пропустят ли нас шведские-то аванпосты? Долго ли ведь обмолвиться? Ложь на тараканьих ножках: того гляди, подломятся. Сам ты, сударь, не чая, по простоте брякнешь.

– По простоте! А брякну, так долго отпираться тоже не стану. Назовусь полным титулом: Спафариев Иван Петрович, российский дворянин и помещик, и выложу все начистоту: что царь наш Петр Алексеевич отрядил меня с другими детьми дворянскими в Тулон и Брест – обучаться навигации и морской науке...

– А ты, не спросясь царской апробации, махнул в Париж?

– Да где тут еще спрашивать было? А раз побывав во Франции, как же не побывать в ее столице, в сем новейшем Вавилоне.

– Для вящего усовершенствования в кораблестроении и мореплавании на море житейском?

– Ты, дурак глупый, чего зубоскалишь! Избаловал я тебя: страху на тебя нет. В Тулоне и Бресте мы все ж таки пробыли без малого два года. И тебе, Лукашка, право же, грех бы уж жаловаться: коли я чем negliжировал, то ты, личардой состоя при мне, всю мудрость навигационную до тонкости произошел: хоть сейчас на экзамен.

– За что тебе, батюшка-барин, личард твой и в ножки кланяется.

– Так чего же тебе еще?

– А опаска за тебя же берет. Что послан ты царем нашим за море в науку – шведы туда-сюда, может, еще и поверят, но что ты оставил при себе чужой паспорт и назвался по нем маркизом Ламбалем...

– А что ж мне было делать в моем амбара? Не разыскивать же подлинного Ламбаля по всему белу свету, чтобы получить обратно свой собственный вид? Где он теперь рыскает, бесшабашный шаматон? Один Бог ведает.

– Но как же, могут еще спросить шведы, ни маркиз, ни сам ты, сударь, при прощанье не заметили, что немецкая полиция вам паспорта обменила?

– До паспортов ли нам тогда было, сам скажи? Кто кого употчевал, он ли меня, я ли его, – и о сю пору сказать не возьмусь. А как хватился я, что паспорт не мой, так маркиза моего – ау! и след простыл. Как быть? Не сказаться же беспаспортным бродягой? Ну, и поехал далее – на Ганновер и Любек.

– А почему не на Берлин и на Варшаву?

– Точно не знаешь, что в Варшаве теперь сам король шведский Карл, его людей-то этаким фальшивым видом не проведешь. А на Неве и шведы-то, я чай, попроще, а главное – такая, слышь, охота на лосей, на всякую дичину... Как устоять? Мой девиз: «Хватай момент за зуб!»

– Вот то-то и есть. «Da ist der Hund begraben», как говорит Ганс: загорелось тебе за семь верст киселя поесть. Ну, да пусть по-твоему, как-нибудь и выберемся от шведов. А чем-то мы перед государем нашим оправимся, что не токмо на полгода запоздали, а еще взяли такой круговой маршрут? Киселем у него не извернешься. Вот я все это время с Любека и раздумывал, голову ломал...

– И никакого профита, конечно, не придумал?

– Придумать-то придумал, да не гораздо мудрящий.

– Что же такое? Сказывай.

– А вот вспало мне на мысль, что коли царь наш Петр Алексеевич напирает так на Неву, то, стало, неспроста, а чтобы отобрать ее у шведов с обеими фортециями: Нотеборгом да Ниеншанцем.

– Весьма даже возможно.

– А коли так, то первым делом ему нужны планы фортеций. Ну, до Нотеборга нам далеко: он, слышь, у самой Ладogi. Но в Ниеншанце мы будем не нынче, так завтра. Вот бы нам и снять для царя этакий планчик с ниеншанцской цитадели.

– То есть разыграть шпионов! Нечего сказать, надумал! Спасибо.

– Да не шпионов, сударь, а разведчиков. Кто такой заправский шпион? Кто даст подкупить себя неприятелю. Тому и петли мало. А мы ведь сами, по своей доброй воле, в петлю лезем – во славу царя и отечества. Это попросту – военный фортель, который никому в фальшь не ставится.

– Да мы-то оба, ты да я, воюем, что ли, со шведами? Мы – люди партикулярные, и меня, как французского маркиза, в Ниеншанце, нет сомнения, еще со всеми онерами примут, а я-то в благодарность сотвори им такую пакость! Нет, брат, я хоть и не природный маркиз, но все же природный русский дворянин и на такие шиканства не капабель.

– Ну, а я раб и смерд, – объявил камердинер, – мне эти дворянские сантименты не по рылу, я возьму уж на свою совесть грех, коли то грех, а не достохвальное дело.

– Чтобы мне потом быть за тебя в ответе? Шишь на место!

Калмык с мольбою сложил руки.

– Голубчик барин! Я, право же, вершил бы в свою голову! А ты, знай, открещивайся только от всего: и не видал, мол, и не слышал, и о ту пору на свете не бывал.

– Хороши мы оба, – усмехнулся Иван Петрович, – продаем шкуру, не убив медведя.

– От слова до дела сто перегонов, правда твоя, сударь, но «хочу» – половина «могу». Так ты, стало, не будешь уже чинить мне помехи?

– Ну тебя! Надоел! Отстань!

– Mein lieber Herr Marquis! – раздался тут над люком голос шкипера. – Сейчас подойдет к нам шведский крейсер, готовьтесь к таможенному осмотру.

Господин и слуга переглянулись. Лукашка глубоко вздохнул и, закатив глаза, взялся рукой за горло.

– Что с тобою? – спросил Ламбаль-Спафариев.

– А чуется мне, – был ответ, – ох, чуется, что болтаться мне на грот-мачте, как пить дать!

Глава вторая

Бобчински.

*В желудке-то у меня... С утра я ничего не ел... так желудочное
трясение... Да-с, в желудке-то у Петра Ивановича...*

Гоголь

*Молодой Соловей сын Будимирович
Во гусельшики играет во яровчатые,
Струнку ко струнке натягивает,
Наигрши по голосу налаживает.
По звончатым струночкам похаживает,
Игры-сыгршии ведет от Царя-града,
А все малые притевки с-за синя моря.*

«Былины о Соловье Будилировиче»

Опасение калмыка не было лишено оснований. Взошедший с крейсера на «Морскую чайку» шведский коронный чиновник, освидетельствовав сперва весь груз корабля и багаж пассажиров, принялся за письменные документы. Между ними особенно, казалось, обратил его внимание паспорт маркиза Ламбаля, потому что он лично пожелал взглянуть на маркиза и нарочно спустился к нему в каюту. Не найдя в его внешности ничего подозрительного и не решаясь беспокоить долгими расспросами самого маркиза, не оправившегося еще от последствий морской качки, он потребовал к себе на палубу его камердинера Люсьена.

Скуластое, с перекошенными монгольскими глазами лицо калмыка было настолько типично, что добросовестный чиновник как-то особенно внимательно оглядел его с головы до ног и затем начал обстоятельный допрос с того, откуда он родом.

Лукашка, однако, недаром пробыл три года слишком среди французов. Скороговоркой, без запинки он затараторил о своих родителях, о двух дедах и двух бабках, о всей родне в Гаскони, так что швед, не разобрав, конечно, и половины, не вытерпел и сам прервал его. Ткнув пальцем на сделанную в паспорте маркиза относительно Люсьена приписку, он осведомился: почему у него, камердинера, не имеется отдельного от своего господина вида?

Но тут допросчик попал, как говорится, из дождя да в воду: самолюбивый гасконец благородно вознегодовал и, стуча кулаком в грудь, распространился о том, что хотя, по издавна заведенному и устаревшему, пожалуй, порядку, слуг у французов еще и вписывают в паспорт их господ, но это все же не дает еще право всякому иноземцу глумиться над французами, потому что французы, что ни говори, *la grande nation*...

– *Bra, bra!* (Хорошо, хорошо!) – морщась, остановил швед патристические излияния француза и поставил еще один последний вопрос: почему Люсьен внесен в паспорт господина маркиза другим почерком и другими чернилами?

На это француз уже просто-таки расхохотался в лицо допросчику.

Очередь вломиться в амбицию была за шведом. Он гордо выпрямился и сухо заметил: что смешного в его вопросе?

– *Mille pardon, mon cher monsieur,* – отвечал с поклоном Люсьен, которому, казалось, стоило не малого усилия, чтобы снова не прыснуть, – но кому же, помилуйте, неизвестно, что министерство иностранных дел ведаёт у нас только дела господ, а мы, прислуга, подведомы полиции? Вот паспорт господина маркиза, по изготовлении, и был передан в полицию для отметки. Относительно же полиции нашей смею вам почтительнейше доложить...

Но уши солидного скандинавца и без того уже звенели от немилосердной трескотни легковесного сына Гаскони. Недослушав, он безнадежно махнул рукой и отошел вон, чтобы приложить к паспорту двух несомненных французов штампель с разрешительной надписью «Visiterat» («Визирован»).

Таможенный осмотр, однако, настолько затянулся, что к невскому устью «Морская чайка» прибыла только к вечеру, и пробираться далеко по извилистым рукавам Невы до Ниеншанца в сумерках даже такому опытному шкиперу, как Фриц Бельман, показалось несколько рискованным. Поэтому он до утра застопорил, то есть бросил якорь на взморье против обросшей диким лесом оконечности пустынного и болотистого Мусмансгольма (нынешнего Елагина) – той самой Стрелки, которая в наше время служит столь излюбленным местом вечернего гулянья столичного бомонда, стекающегося сюда не столько ради действительно живописного заката солнца, сколько для того, чтобы «и людей посмотреть, и себя показать».

Теперь и герой наш решил покинуть каюту. Делать туалет свой по тогдашней вычурной парижской моде под корабельной палубой было своего рода искусством. Но благодаря расторопному камердинеру Иван Петрович уже через какой-нибудь час времени мог показаться на палубу, побритый и умытый, напудренный и надушенный. Когда он, здороваясь, подошел к шкиперу, суровый моряк измерил глазами его безупречно щегольскую фигуру.

– Господин маркиз, должно быть, в Ниеншанце бал открывать собирается? – спросил Фриц Бельман, и по жестким чертам его проскользнуло подобие усмешки.

В самом деле, внешность молодого маркиза для морского путешествия была, пожалуй, слишком «салонная». Красивое, беззаботное и выхоленное, как персик, лицо его, в меру теперь осунувшееся от долгого поста, было обрамлено широкополой пуховой шляпой и напудренным, в длинных завитках париком. Повязанный вокруг белой, как кипень, шеи кружевной шарф ниспадал изящно-небрежным бантом на пышные брыжи сорочки. Голубой шелковый кафтан поверх нежно-розового камзола свободно облегал не по летам полный стан, за пять последних недель также сделавшийся явно стройнее. Палевые шелковые чулки и остроконечные лаковые башмаки с перламутровыми пряжками завершали образцовый наряд – наряд новейшего парижского петиметра.

– А герр капитан заказал уже музыкантов? – незлобливо отшутился Иван Петрович. – Впрочем, человек мой сейчас говорил мне, что мы до завтра не двинемся уже далее?

– Где же двигаться, коли ночь на носу?

– Так накормите меня по крайней мере, Христа ради, а то с Любека я, видите, как скелет, отощал.

– Гм, довольно плотный скелет... – проворчал Фриц Бельман и окликнул проходившего мимо корабельного прислужника. – Эй, стюард! Чашку кофе господину маркизу, да погляди-ка, не найдется ли там, в камбузе, еще чего посытнее.

Вскоре Иван Петрович сидел на складной табуретке за небольшим столиком, вынесенным для него стюардом на палубу, и с редким аппетитом уписывал наскоро изготовленную в камбузе яичницу с солониной, запивая ее горячим кофе и пенистым пивом. Молодой человек, впрочем, не был равнодушен и к красотам природы и, утоляя первый голод, в то же время с удовольствием озирался то на далекое взморье, так и искрившееся в лучах догорающей зари, то на лесистый берег Мусмансгольма, где среди яркой зелени белоствольных берез чрезвычайно эффектно выделялись освещенные заревом заката желто-бурые стволы темно-зеленых сосен.

Но одиночество ему скоро прискучило и, потребовав себе у стюарда бутылку рейнвейна, он попросил шкипера «сделать ему компанию». Тот не отказался и довольно снисходительно прислушивался к веселой болтовне маркиза, сам только изредка поддакивая ему односложным «гм», но тем чаще прикладываясь к своему стакану.

– Эге, да у вас тут и музицируют? – заметил вдруг Спафариев. – Вон и огонек светится. Что там такое?

И точно: сквозь прозрачные сумерки летней ночи, в отдалении, вверх по течению Большой Невки приветно мерцал огонек, сквозь невозмутимую ночную тишину призывно долетали какие-то странные, жалобно дрожащие звуки струнного инструмента.

– А там известная загородная гостиница – *besokarehuset*, – пояснил Фриц Бельман, выливая в свой стакан из бутылки последние капли рейнвейна.

– Но играют-то на чем? Арфа не арфа...

– Это кантеле – финская народная не то гитара, не то цитра о четырех струнах.

– Любопытно бы, право, взглянуть! Я сам тоже по малости бренчу на гитаре. Чу! Никак и поют?

К заунывному дребезжанию кантеле, действительно, присоединился теперь высокий тенор. Мелодия была до крайности проста и однообразно повторялась, но звучный голос певца искупал этот недостаток. Когда замер последний звук песни, послышались одобрительные возгласы.

Иван Петрович быстро приподнялся.

– Герр капитен! Едемте-ка туда? Я только заморил червячка, а там, верно, и поужинать по-человечески можно.

– Покорно благодарю, но я вам не товарищ, – наотрез отказался шкипер. – Три ночи напролет пробыв на палубе, охотно проведешь ночь и в каюте. Вам же, *mein Herr*, я не препятствую: шлюпка моя к вашим услугам. Только не забудьте вернуться к рассвету: нарочно ждать мы вас не станем.

– Будьте благонадежны, – отвечал Иван Петрович и несколько минут спустя вместе со своим верным личардой Лукашкой спустился по штурм-трапу в маленькую капитанскую шлюпку, чтобы поплыть затем вверх по Большой Невке к манившему издали огоньку. Обошлись они без кого-либо из матросов, потому что те, утомленные, подобно своему начальнику, трехдневной бурей, расположились уже вповалку на палубе судна, накрывшись от ночной сырости парусиной.

Besokarehuset стояла на карельском берегу Малой Невки, немного не доходя той линии, где в настоящее время тянется непрерывный ряд дачных карточных домиков Старой Деревни и где в ту пору было разбросано только несколько крестьянских лачуг. Незатейливый, но опрятный домик так уютно ютился под навесом раскидистых сосен, открытые настежь небольшие окна его так гостеприимно светились огнями и звучавший оттуда здоровый смех сулил столько беззаботного веселья, что ветреник наш поспешил выскочить из лодки и духом взбежал по пологому берегу к невысокому крыльцу. Но тут он наткнулся на финна-кобзаря, широко рассевшегося на нижней ступеньке. Убогому певцу бросили, видно, только что подачку: со своим кантеле на коленях он пересчитывал на ладони несколько медных монет.

Как узник из тюрьмы, Иван Петрович вырвался сейчас лишь из своей корабельной неволи, а старый капитанский рейнвейн, разлившийся огнем по его жилам, еще более подбивал его выкинуть какое-нибудь необычное коленце. Не спросясь кобзаря, он схватил с его колен кантеле, после короткой прелюдии для ознакомления с инструментом умелой рукой ударил по струнам и свежим баритоном затянул старинный провансальский романс. Голоса в доме разом стихли, и вся пирующая братия бросилась к окнам: откуда-де вместо простого финна взялся вдруг французский трубадур? А трубадур наш, польщенный таким вниманием с грустно-нежного напева совсем неожиданно перешел на веселую шансонетку и вложил в нее столько умения, а главное – столько задушевной и молодецкой, скорее русской, чем французской, удалы, что при последнем аккорде его из окон грянуло единодушно:

– Браво! Брависсимо!

Не успел он оглянуться, как выбежавший к нему на крыльцо коренастый и полный шведский офицер в кафтане нараспашку подхватил его под руку и втащил в горницу. Иван Петрович очутился в офицерской компании.

– Мы бовлей пунша справляем день рождения одного из наших юных, но бравых камрадов, – объяснил толстяк довольно плавно по-французски, хотя и с сильным шведским акцентом, и дружески потрепал по спине одного молоденького белобрысого и румяного «камрада». – Вот этого. Позвольте представить: фенрик Ливен, полковой наш Ганимед. Покорнейший слуга ваш – майор фон Конов. А мы, смею спросить, с кем имеем честь?..

Когда Иван Петрович отрекомендовался маркизом Ламбалем, прибывшим только что из Любека, то и остальные офицеры, державшиеся пока несколько поодаль, обступили его, чтобы поочередно, по обычаю шведов, крепко потрясти ему руку. Оказалось, что все они если и не совсем свободно объяснялись по-французски, то более или менее понимали французский язык, делавшийся уже в ту пору общеевропейским языком.

– То-то вы ничуть не похожи на уличного певца, – говорил майор фон Конов, любезно пододвигая гостю стул к столу с полуопорожненной «бовлей». – Пивали вы когда-нибудь настоящий шведский пунш? Нет? Так милости просим!

– Благодарю вас, – отвечал Иван Петрович, – но с самого Любека я, признаться, жил впроголодь. Не найдется ли тут чего-нибудь съестного?

– О, сколько угодно! Есть великолепнейшая невская лососина – сейчас нам подавали. Есть жареная курица... Впрочем, курица почтенного уже возраста...

– Почтение мое к старости не распространяется на жареных куриц, – весело отозвался Иван Петрович, – поэтому я предпочел бы лососину.

– Ха-ха-ха! – раскатисто залился фон Конов. – Кристина!

И вбежавшей на зов прислужнице он отдал по-фински короткое приказание. Вслед затем перед гостем появился чистый прибор и порядочный кусок лососины. Но для проголодавшегося молодого человека одного куска оказалось мало: он мигом его уничтожил и потребовал новую порцию. Шведские офицеры, перемигиваясь, с видимым сочувствием наблюдали за прекрасным аппетитом маркиза. Когда же он, спра-вясь и со второю порцией, заказал разом еще две порции, «чтобы лишний раз, знаете, напрасно не беспокоить девушку», взрыв смеха прокатился с одного конца стола до другого.

– Как хотите, господин маркиз, – объявил фон Конов, чокаясь с ним, – а рыбе надо поплавать.

Тут и остальные офицеры, один за другим, не замедлили чокнуться с маркизом, приговаривая:

– Scla! (На здоровье!)

Глава третья

*Умолкли все: их занимает
Пришельца нового рассказ,
И все вокруг его внимает.*

Пушкин

*Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава!*

Жуковский

– Один вопрос, господин маркиз, если вы не сочтете его нескромным, – обратился майор фон Конов к гостю, когда тот благополучно одолел обе новые порции и, отдуваясь, как от тяжелого труда, отер себе рот и руки поданным прислужницей полотенцем. – Есть у вас здесь, в Ниеншанце, родные или знакомые?

– Ни тех, ни других, – отвечал Иван Петрович.

– Так какие-нибудь важные дела?

– И дел никаких. Но я – фанатически страстный охотник и никогда еще не охотился на лосей, которых во Франции и в заводе нет...

– У нас их, точно, вдоволь, особенно на одном острове, который так и называется Лосиный. Но тут, на Неве, теперь сильно пахнет порохом...

– Да! Ведь вы, кажется, воюете с русскими?

– Нам то не «кажется» только! Если вы видите нас нынче за товарищеской бовлей, то не потому, чтобы у нас здесь был вечный праздник. Мы, случается, по целым суткам не раздеваемся, не моемся, спим в глухом бору на сырой земле, едим, что Бог пошлет. Вот и ловим эти минуты братского веселья, потому что как знать? – не отлита ли уже на кого-либо из нас роковая пуля!

– Да русские разве уже так близко? – удивился Иван Петрович с тем же невинным видом.

– Как близко – вы можете судить по моему головному убору.

И майор указал на лежавшую на столе шляпу, в которой виднелось сквозное круглое отверстие.

– Так это от русской пули?

– Да, и пуля та сидела бы наверняка в моей голове, и я не имел бы удовольствия теперь беседовать с вами, не дай мне капрал мой пощечины.

– Капрал дал вам пощечину? – недоверчиво переспросил гость.

– И здоровенную. Он вообще чересчур ретив, и мне не раз уже приходилось взыскивать с него за ручную расправу с нижними чинами. Но в этом случае привычка его пошла мне впрок. Было то с месяц назад, неподалеку отсюда, на реке Ижоре. Русские засели в кустах, мы шли обходом. Вдруг кто-то хватъ меня с размаху по щеке, так, что я кубарем покатился наземь. – Толстяк майор жестом очень картинно изобразил, как он покатился кубарем. – Но в тот же момент мимо меня просвистела пуля. А когда я поднял шляпу, слетевшую у меня с головы, то в ней оказалось это temento mori. Капрал мой, извольте видеть, как раз вовремя заметил направленное на меня из кустов дуло русского мушкета и второпях не придумал другого средства свалить меня с ног, как то, которое он испытывал постоянно с таким успехом.

– И за такое оскорбление действием вы его не только не отдали под суд, но, пожалуй, представили к награде?

– Обязательно. Кроме того, я считал долгом совести от себя еще обеспечить ему старость приютом в моем доме⁷.

– Но, живя этак в постоянном страхе перед неприятельской пулей, вы ни днем, ни ночью не должны знать покоя?

– Нет, одни трусы боятся опасности. Нашего брата, военного человека, она пугает только тогда, когда уже миновала. Впрочем, храбрость есть также своего рода привычка: тот самый солдат, который геройски идет на штурм крепости, где ему грозит почти верная смерть, на корабле, во время легкой даже качки, теряется и бледнеет, как слабонервный ребенок. Точно то же и с моряком: во время сильнейшей морской бури он с невозмутимым спокойствием видит перед собою смерть в волнах, а посадите-ка его на резвого коня и заставьте перескочить канаву – он затрепещет, как осиновый лист, и от одного страха свалится с седла.

– Так русские теперь уже перед самым Ниеншанцем?

– Нет, мы им дали острастку, и они на время отретировались. Весь май и июнь наш адмирал Нумберс возился с ними на Ладожском озере: они разоряли наши берега, мы – их, пока наконец адмирал не захватил их посреди озера и не разбил наголову.

– Мы, впрочем, тоже лишились пяти шхун, – вставил юный фенрик Ливен, которому не терпелось, видно, заявить и о себе перед почетным гостем. – Две увели у нас, две сожгли, а одну потопили...

– Пустяки! Пустяки! И как вам не стыдно, Ливен, повторять эти бабьи сказки? – укорительно прервал неуместную болтовню фенрика фон Конов. – Несомненно одно: что командовавший русской флотилией полковник Тыртов в числе многих был убит нашей картечью, и флотилия его в замешательстве рассеялась.

– И после того русские вас уже не тревожили? – продолжал допытывать Иван Петрович, которого живо заинтересовали успехи русского войска.

– На Ладоге – нет. Но Апраксин, главный начальник их в Ингрии, стянул свой корпус сюда ближе, на Ижору, где в июле и столкнулся с конницей нашего генерала Крониорта.

– И где вы сами, господин майор, с вашим капралом приняли такое деятельное участие?

– Вот именно.

– Но, по вашему рассказу, вы были как Будто не верхом, а пешком?

– М-да, на этот раз мы спешились... – замялся майор и покосился на чересчур откровенного фенрика: как бы опять не проврался?

Но тот понял взгляд его в превратном смысле: что шеф ищет в нем поддержки, а поддержать шефа сам Бог велит.

– О, вы не знаете еще наших лютых северных морозов! – воскликнул он. – Чтобы не отморозить ног, мы в походе зачастую слезаем с коней, а промерзшие стремяна, которые жгут, как огонь, нарочно тряпками обматываем...

– Неужели у вас и в июле месяце бывают такие сильные морозы? – удивился Иван Петрович и вопросительно огляделся кругом, но ответом ему был всеобщий громогласный смех.

Теперь и Ливен сообразил, что зарাপортовался, и, покраснев, также рассмеялся:

– А вы и поверили? Ха-ха-ха!

– Спешились мы потому, что пехота наша несколько запоздала, – нашелся между тем майор, – а запоздала она вследствие проливных дождей, которыми все дороги размыло...

– И чем же кончился бой?

⁷ Описанный случай – исторический факт, увековеченный в одной из патриотических баллад («Von Konov och hans kotrogal!») шведско-финского поэта Рунеберга.

– Да, собственно говоря, ничем. Апраксин понес сильный урон, у нас тоже выбыла из строя малая толика. Когда мы отошли к Дудергофской мызе, русских и след простыл. От лазутчиков же мы дознались, что они повернули в Ливонию. Впрочем, для вас, господин маркиз, все эти имена – звук пустой.

– Не говорите. Мы, французы, едва ли не сама воинственная нация в Европе, и ни один кровный француз не может глядеть равнодушно на эту борьбу двух молодых гигантов, потому что царь Петр, не в обиду вашему Карлу, тоже гигант.

– Ростом? – тонко улыбнулся фон Конов. – Вполне согласен: в нем, слышно, без малого сажень.

Пренебрежительный тон шведа задел нашего русского за живое.

– Не только ростом, господин майор, – возразил он, – но и...

Вовремя спохватившись, он на полуфразе запнулся.

– Но и мускульной силой? – тем же тоном досказал за него майор. – Второй враг наш, король польский Август, говорят, также большой силач...

– Да еще какой! – подхватил Иван Петрович, очень довольный тем, что может отвести глаза собеседников на третьего «гиганта». – Проездом через Германию я наслышался о нем просто чудес. Так, в Торне, говорят, где состоялось одно свидание Августа с Петром, в числе разных празднеств для двух монархов был устроен бой быков. И вот во время самого разгара боя, когда разъяренный бык с налитыми кровью глазами метался среди своих мучителей, король вдруг обнажил саблю и сам сошел вниз на арену. У зрителей-поляков дух замер, потому что бешеный бык ринулся прямо на короля. Но король как ни в чем не бывало схватил быка за рога, отбросил его в сторону и одним взмахом сабли отсек ему голову с плеч.

– Ого! А царь что же? Не показал также своей силы?

– Показал...

– На быке же?

– Нет. «С животными я не сражаюсь, – сказал он, – подайте мне штуку сукна». И, подбросив сукно на воздух, он кортиком на лету разрубил его пополам. Король попробовал было сделать то же, но не смог. Приходит мне на память еще другой подобный же случай, но я, признаться, стесняюсь немножко передать его вам, господа...

– Почему?

– Потому что вы – шведы, и то, что говорилось двумя монархами про шведов, могло бы показаться вам обидным.

– Мало ли что говорят враги друг про друга. Неправда ли, господа? – обратился майор к товарищам-офицерам. – И надо же нам знать, что говорят про нас враги!

– Само собою, не стесняйтесь, пожалуйста, господин маркиз, – раздались кругом голоса.

– Как прикажете, – сказал с поклоном наш маркиз, который не мог уже устоять против соблазна поиграть с огнем: сладостью национального напитка шведов скрадывалась его крепость, и несколько здоровых глотков пунша, вдобавок к выпитому незадолго перед тем на корабле капитанскому рейнвейну, удвоили легкомыслие и смелость молодого человека. – В первый раз Петр с Августом встретились на курляндской границе, у герцога курляндского Фердинанда, – начал он свой рассказ. – Герцог угощал их, разумеется, на серебре. Но прислуга как-то недоглядела, и королю Августу попала нечистая тарелка. Без долгих слов он свернул ее в трубку и швырнул в угол. Петр, полагая что тот хочет похвастаться своей силой, точно так же свернул свою тарелку. Тогда Август взял у двух генералов, сидевших справа и слева от него, их тарелки и свернул обе разом. «И это не кунштюк», – сказал Петр и повторил то же. Перед каждым из государей стояло по массивной серебряной чаше. Король взял свою чашу и сплюснул ее между ладонями. Царь взял свою и сплюснул ее не хуже. Хозяин же, герцог Фердинанд, сидел как на иголках, ни жив ни мертв: «Им-то, небось, потеха, а мне каково? Весь сервиз,

поди, перепортят!» Увидел Петр его постную рожу, рассмеялся и говорит: «Ну, будет нам силу показывать, брат Август, серебро-то мы гнем изрядно, как бы согнуть нам и шведское железо».

– Да, пускай попытаются! – перебил рассказчика один из слушателей-офицеров.

– Но в этих словах царя я не вижу пока еще ничего для нас обидного, – возразил фон Конов. – Или, может быть, он добавил еще что-нибудь?

– Добавил.

– Что же такое?

– «Да будут мысли наши столь же тверды, как наше тело», – сказал Петр, пожимая руку Августу; на что тот ответил: «Да здравствуют две соединенные силы, и да рассеются враги в прах перед нами!» А герцог Фердинанд поклонился обоим и говорит: «Под защитой соединенных сил, даст Бог, моих курляндцев шведский лев не проглотит живьем». – «Не бойся, брат, – сказал ему тогда царь со смехом, – для этого зверя у нас есть железные сети, а разинет он пасть, так дадим ему покушать картечи...» Извините, господа, еще раз, – заключил свой рассказ Иван Петрович, видя нахмуренные брови шведов, – но слова – не мои, за что купил, за то и продаю.

– Не странно ли, право, – с горечью заметил фон Конов, – что когда люди говорят правду, то извиняются, а когда говорят ложь, то и не думают извиняться? Но львиную пасть враги наши, значит, все-таки признают? Царю Петру также не избежать ее, а король Август уже благополучно проглочен.

– Как понимать вас? Разве он уже убит или в плен взят?

– Ни то, ни другое. Но именованный доселе королем польским Августом II сошел навсегда со сцены: решением нашего Карла с кардиналом – примасом польским и коронным казначеем Лещинским в Варшаве, он низложен с престола.

– И кого же прочтут на его место?

– Французский посол, говорят, предлагает одного из наших французских принцев. Но наш Агамемнон пока не сдается, да и до того ли ему теперь, когда он занят осадой Торна? Господа! – торжественно возгласил майор, вскакивая со стула и поднимая высоко стакан. – За здоровье его величества, первого льва и монарха Европы!

Все присутствующие шведы, как один человек, вскочили также со своих мест, и стаканы кругом зазвенели. Только гость их, маркиз Ламбаль, не тронулся с места.

– А вы что же, господин маркиз? – спросил фон Конов. – Или вы не одобряете моего тоста?

– Извольте! – сказал с внезапной решимостью Спафариев, поднимая также свой стакан. – За здоровье его величества, первого льва и монарха Европы!

Он дословно повторил тост майора, но с такой интонацией, что фон Конов счел нужным попытаться:

– А вы кого считаете первым львом и монархом? Вопрос был поставлен ребром, наш герой, если не желал только отчураться от собственного царя, очутился в безвыходном положении. Но на выручку ему, как не раз уже прежде, явился его верный калмык Лукашка.

Под самыми окнами ресторации, открытыми, как сказано, настезь, защелкал соловей. Все пирующие невольно обернулись.

– Что за диво? – заметил фон Конов. – В августе месяце соловей?

– А это камердинер мой, Люсьен, – объяснил Иван Петрович, у которого как гора с плеч свалилась. – Эй, Люсьен, поди-ка сюда!

Когда же камердинер появился на пороге, господин предложил ему показать господам офицерам один из своих фокус-покусов.

– Мистер Пломпуддинг на морских купаньях! – объявил калмык и в тот же миг обратился в чопорного, проглотившего аршин англичанина.

С опаскою человека, не смеющего войти в холодную воду, он осторожно выставил вперед один носок – и быстро отдернул, потом другой носок – и опять отдернул. Но – была не была!

Шаркая по полу, как бы от некоторого сопротивления волн, он решительно двинулся вперед, заткнул себе пальцами уши и ноздри и присел на корточки, точно окунаясь в воду; потом разом вытянулся и важно прочесал себе пальцами несуществующие бакенбарды.

– Б-р-р! Goddam! Однако волны! – проворчал он и подставил спину небывалым волнам.

Под напором их он изгибался всем корпусом так комично-картинно, что можно было только удивляться, что не видать самих волн. Но прибой, видно, делался все сильнее, потому что сбил вдруг мистера Пломпуддинга с ног. Несколько раз пытался он приподняться, но всякий раз его снова опрокидывало. Ничего не оставалось, как выбраться из воды ползком. Как утопающий за береговой камень, он судорожно ухватился за край стула; но тут неожиданно нырнул вдруг за высокую спинку. Что это значит?

– Восход солнца! – провозгласил он, и когда теперь из-за стула выплыла снова его широка калмыцкая рожа, на ней была разлита такая солнечно-блаженная улыбка, что ни у одного из зрителей не могло быть сомнения, что перед ними уже не англичанин, а восходящее солнце. Но вот сияющее светило заволокло мрачными тучами: из прищуренных глазных щелок сверкнула молния, а из надутых щек загремел гром. Молния за молнией, раскат за раскатом, все тише, тише – и солнышко опять проглянуло с улыбкой до ушей.

Зрители были в таком радужном настроении, что и менее артистическое исполнение вызвало бы у них полное одобрение. Горница огласилась шумными рукоплесканиями и криками восхищения.

– Да он у вас совершенный Протей, – сказал фон Конов, который, как, вероятно, заметили уже читатели, по обычаю того времени, охотно прибегал к метафорам из классической древности.

– Совершенный Прометей! – в тон начальнику подхватил Ливен, недослышавший хорошенько.

– А скажите-ка, Ливен, – с усмешкой спросил его майор, – кто, бишь, был Прометей?

– Прометей?..

– Да, Прометей. Военный или штатский?

– Разумеется, штатский, – с апломбом уже отвечал Ливен, вдруг припомнив что-то и просветлев. – Разве военный стал бы красть – хотя бы огонь для... для...

Фенрик опять спутался.

– Для свежей бовли? – сказал майор. – А нам бы пора заварить свежую.

– Ха-ха-ха! Bravo, Ливен! Bravo, фон Конов! – раздалось кругом.

Между тем калмык успел шепнуть пару слов своему господину, и тот, бросив прислужнице два червонца, взялся за шляпу.

– Куда вы? – спросил фон Конов.

– Да вот корабль наш уже с рассветом двинется далее. Как бы не ушел без меня.

– Так на прощанье последний «scal»? Ганимед! Вы чего смотрите? Для дорогого гостя стакан еще найдется.

Полковой кравчий не замедлил исполнить приказание.

– Пить ли еще или нет? – сказал Иван Петрович, глубокомысленно рассматривая на свет полный стакан. – Желудок мой говорит: «Да». Рассудок мой говорит: «Нет». Но так как рассудок умнее желудка, а умный всегда уступает, то, стало быть, да! За доброе знакомство, господа!

Еще несколько прощальных фраз, несколько крепких рукопожатий – и, тяжело опираясь на руку своего камердинера, наш маркиз Ламбаль неуверенною поступью выбрался на крыльцо, а оттуда вниз к лодке, сопровождаемый из окон besokareliuset дружескими криками шведов:

– До свидания в Ниеншанце!

Глава четвертая

*...объехать острова –
От мысли уж одной кружится голова!
Я мигом облетел; Васильевский, Петровский,
Елагин, Каменный, Аптекарский, Крестовский...*

Хмельницкий

Кто в настоящее время на пароходе или в колесном экипаже совершает увеселительную прогулку по невским островам, тому трудно себе и представить, чем была эта местность за несколько месяцев до основания Петербурга. Где теперь с острова на остров расстилается необозримый парк с извилистыми проезжими аллеями и утрамбованными пешеходными дорожками, с зеркальными заливами и искусственными прудками, с перекинутыми через них мостами и мостиками, бесчисленными дачами и дачками, между которыми, дымясь, возвышаются черные трубы фабричных громад, – там в описываемую нами эпоху была почти сплошная, однообразная лесная топь и глушь. Поэтому мы не станем следить во всех подробностях за плаванием «Морской чайки» от взморья до Большой Невы⁸, тем более что и герой наш, которому камердинер вынес тюфяк из душевой каюты на палубу, проспал, накрывшись с головою плащом, добрую половину пути, не чая, что матросы бесцеремонно шагают через его грешное тело, а шкипер Фриц Бельман, споткнувшись раз об его вытянутые ноги, посулил соне-маркизу «крейц-шокк-доннер-веттера».

Скажем только, что «Морская чайка» взяла обычный тогда курс коммерческих судов – по Средней Невке, представлявшей в то время более безопасный фарватер, чем два главных невских русла, которые, несмотря на принятые уже шведским правительством меры к их очищению, вследствие быстроты течения, постоянно заносились вновь песком и камнями.

Пока господин его покоился сном праведных, Люсьен-Лукашка примостился на вышине фок-мачты (передней мачты) к уединившемуся здесь, на фок-марсе, старику-матросу Мартину Брюгге. Последний, получивший от товарищей-матросов за свою нелюдимость и мрачный вид прозвище «морского волка», в сущности, был только глубоко несчастным человеком. За пять недель совместного пребывания на судне Лукашка участливыми расспросами исподволь, слово за словом, узнал всю немногосложную историю бедняги. Сводилась она к тому, что много лет назад Мартин Брюгге был не простым матросом, а рулевым и счастливым семьянином. Но раз, при сравнительно коротком рейсе от Гамбурга до Амстердама, он с разрешения шкипера взял с собой на корабль жену и единственного малютку-сына: очень уж молодой жене его хотелось побывать в соседней столице. Но при самом выходе в море на корабле вспыхнул пожар. Жену Мартина с ребенком в числе первых спустили в спасательную шлюпку. Но в суматохе бросившихся туда с палубы пассажиров шлюпку опрокинуло. Мартин Брюгге, как рулевой, не смел покинуть свой пост, пока огонь на корабле не добрался до руля. Тогда он с значительными ожогами бросился также в воду. Из последних сил доплыл он до берега. Туда между тем прибило волнами и тела его жены и сына, но тела были уже бездыханны. С тех пор Мартин Брюгге

⁸ От обязанности входить в слишком обстоятельные топографические подробности избавляет нас и в дальнейшем ходе нашего рассказа прилагаемый план «устья Невы и г. Ниеншанца до 1703 года». Основанием для этого плана служил нам приложенный к «Истории Петра Великого» Устрялова «План Санкт-Петербурга в 1705 г.», отчасти, однако, измененный нами (между прочим, в отношении очертаний крепостного вала ниеншанцской цитадели) и существенно дополненный по новейшим данным, извлеченным в последнее время из шведских государственного архива и архива военного министерства в Стокгольме (см. обширную статью Г. Дальтона: «Ein Tag im Weichbilde der Stadt Petersburg 1688» в 14-ти номерах «St.-Petersburger Zeitung» 1888 года).

сам разжаловал себя опять в простые матросы, и никто уже не видел улыбки на его молчаливых губах. Когда товарищи его, случалось, собравшись в кружок, болтали, дурили, он удалялся на противоположный край корабля, и только падавшие там на палубу звучные плевки свидетельствовали, что он утешается в своем одиночестве табачной жвачкой. Лукашке нашему, однако, как сказано, удалось раскрыть безмолвные уста: «морской волк» видимо оживился, когда любознательный калмык-француз завязывал с ним какой-нибудь дельный, осмысленный разговор.

На этот раз, впрочем, Лукашка хотя и поглядывал тоже направо да налево, но явно был занят собственными мыслями и не делился ими со стариком-матросом. Видел он, конечно, и взвившуюся при приближении «Морской чайки» из береговых камышей Мусмангольма (Елагина) стаю диких уток, видел на берегу Ристисари (Крестовского) грубо сколоченную бревенчатую избушку, на нижней ступеньке которой сидела за починкой рыбацкого невода молодая баба, монотонно напевая финскую колыбельную песню и босой ногой качая первобытного вида люльку; видел, наконец, при слиянии Большой и Средней Невки в дощанике двух рыболовов-финнов, вытаскивавших сети и поспешивших на ходу сбыть повару «Морской чайки» какую-то крупную, еще трепещущую рыбу. Но все это, казалось, занимало калмыка не более, как и комментарии Мартина Брюгге о том, что Мусмангольм – собственность ниеншанцкого старожила Мусмана, который наезжает сюда из города только изредка, чтобы поохотиться на куропаток да уток, или о том, что на Койвисари (Березовом острове, нынешней Петербургской стороне) шведский король Густав Адольф собирался было поселить колонию мекленбургских крестьян, и лишь за внезапную смерть короля дело не состоялось, но что среди вековой березовой рощи до сих пор существует там еще основанная покойным королем казенная ферма, снабжающая великолепным молоком и маслом весь ниеншанцкий гарнизон.

– Да ты меня, поди, и не слушаешь? – отплеывая табачную жвачку, заметил в сердцах «морской волк», потому что Люсьен то пытливо озирался по сторонам, словно вымеривая расстояние от берега, то пригибался вниз, точно стараясь через борт судна проникнуть взором до самого дна реки.

– А что, здесь фарватер везде достаточно глубокий, чтобы могли проходить и военные суда? – спросил тот в ответ.

– Военные? – недоумеая, повторил Мартин Брюгге. – Да тебе-то на что?

– А я так, вообще, спросил... потому что военные суда сидят глубже коммерческих, – поправился Лукашка.

– При истоке сюда из Большой Невы есть отмель, которую вода покрывает всего на пять футов и которая поэтому для больших судов довольно опасна.

– Та-ак... А нельзя ли в Ниеншанце раздобыть навигационную карту Невы?

– Да тебе-то на что, Люсьен? – еще более удивился старик.

– А мы с маркизом, видишь ли, хотим открыть постоянные рейсы из Тулона в Ниеншанц, только покуда, Мартин, чур, это между нами.

– Ты, Люсьен, не шутишь?

– Какие шутки! Дело почти решенное. А вот что еще, скажи-ка, Мартин: с Ладоги сюда на взморье нет для судов другого выхода, кроме Невы?

– Речки-то отдельной, сколько мне известно, нет, только пониже Ниеншанца, где Нева делает крутой поворот, от нее до взморья идет крупный проток.

Старик разумел нынешнюю Фонтанку.

– Досадно! – пробормотал про себя Лукашка.

– Что досадно?

– Ну, да, впрочем, и то, может быть, как-нибудь пригодится.

– Да ты, Люсьен, о чем это? – недоумевал Мартин Брюгге. – На что коммерческим судам этаким неведомый проток, коли есть прямой обследованный путь?

Мог ли Люсьен выдать, что он задался безумно смелой мыслью: провести русскую флотилию с Ладоги на взморье, чтобы дать ей возможность напасть затем на Ниеншанц одновременно с двух сторон – с Ладоги и с моря?

Мартин Брюгге, впрочем, и не дождался ответа, потому что «Морская чайка» приблизилась как раз к упомянутой им отмели при входе в Большую Неву, и с палубы раздалась команда шкипера:

– Марсовые, к вантам!

Поднявшаяся на корабле суматоха разбудила тут и заспавшегося маркиза Ламбаля. Кликнув Люсьена, он спустился с ним в каюту, чтобы привести в порядок свой туалет. Когда оба возвратились опять на палубу, «Морская чайка» благополучно миновала уже отмель и завернула в Большую Неву. Хотя двести лет назад невские берега не были еще заключены в мону-ментальный гранит и по ним еще не теснился ряд каменных палат, но широкая, быстротекущая, кристальной чистоты река была обрамлена природными кулисами – нетронутым еще человеческой рукой вековым лесом и в лучах полуденного солнца представляла чрезвычайно живописный, даже величественный вид.

Спафариев, не лишенный, как уже замечено, чувства прекрасного, невольно загляделся. А тут из густой чащи правого берега выступил настоящий барский дом в два жилья с небольшой пристанью.

– Фон Конова мыза, – услышал он за собой старческий голос Мартина Брюгге, отвечавшего на вопрос Люсьена.

– Майора фон Конова? – переспросил тот.

– Да. Владения майора тянутся вон куда – до самого взморья...

Продолжение разговора обоих Иван Петрович уже не расслышал, потому что был отвлечен более насущным делом: стюард вместе с чашкой кофе подал ему только что сваренную поваром рыбу с объяснением, что это – сиг, лучшая невская рыба, и нарочно для него, господина маркиза, поутру у рыбаков куплена.

Надо ли прибавлять, что от хваленой рыбы через четверть часа остались одни косточки?

Тем временем «Морская чайка» широкою дугою обогнула крутое колено Невы у теперешней Смольной набережной и на левом берегу Невы показался ряд одноэтажных городских домиков, а далее – окруженная валом каменная крепость.

То был Ниеншанц, передовой укрепленный пост шведов, служивший им оплотом от русских на Балтийском море.

Глава пятая

Ходит спесь надуваоочись...

Л. Толстой

«Подбирай, честной народ!» –

Закипела свалка знатная...

Некрасов

Голубенький, чистый

Подснежник-цветок...

Майков

Там, где река Охта, приняв в себя речку Чернавку, под острым углом впадает в Большую Неву, двести лет тому назад сосредоточивалась вся городская жизнь Ниеншанца. Цитадель возвышалась на выдающемся при слиянии двух рек мысе, где в настоящее время стоит старая Петровская верфь; сам же город, прятаящийся некогда позади цитадели, между Охтой и Чернавкой, с увеличением населения по необходимости перекинулся на правый берег Охты и растянулся отсюда по невшскому побережью. Для простых барок с дровами и строительными материалами была отведена река Охта; коммерческие же суда (которых в общем числе в течение навигации приходило свыше ста) чинным рядом стояли по набережной Невы, уступив только на самом углу местечко лодочникам для перевоза на ту сторону реки, где также виднелось какое-то поселение.

Как на судах, так и на пристани замечалось обычное в портовых городах суетливое оживление. Оживление это перешло и на «Морскую чайку», когда на нее с берега была переложена сходня. Несколько рабочих-носильщиков, слонявшихся на берегу без дела, перебежали тотчас на палубу вновь прибывшего судна и второпях чуть не столкнули со сходни в воду перебиравшегося на берег Ивана Петровича.

– Экие медведи, прости, Господи! – говорил он своему неразлучному личарде, Лукашке, когда оба благополучно добрались до суши. – А какое ведь, братец, блаженное чувство, когда у тебя опять твердая почва под ногами! Только городок-то не больно важный: домишки маленькие и, заместо палисадников, вытянули вперед какие-то сараища...

– А это у них, знать, складочные магазины: чтобы, значит, товары с кораблей сподручнее было выгружать без перевозки. Но вон, погляди-ка, сударь, и совсем барское шато с фронтоном и с садиком за железной решеткой.

– И то, домик хоть куда, весьма даже авантажный, – согласился Иван Петрович и обратился по-французски к выходившему только что из калитки садика господину с вежливым вопросом: – Позвольте узнать – чей это дом?

Тот, мужчина средних лет, представительного и несколько надменного вида, сперва оглядел вопрошающего в головы до ног – не с неба ли он свалился? – а затем ответил по-немецки:

– Дом этот – коммерции советника Фризиуса. Сказано это было также довольно вежливо ввиду приличной внешности вопрошающего, но все же с таким оттенком оскорбленного собственного достоинства, что Иван Петрович невольно догадался:

– Не с самим ли господином коммерции советником я имею честь?..

– Да. А вам, mein Herr, ко мне?

– Нет, но я благословляю счастливый рок свой, что он с первых же шагов в Ниеншанце свел меня с одним из первых, конечно, граждан города. Я – вольный турист, маркиз Ламбаль, и сейчас только прибыл. У вас, без сомнения, есть также груз на нашей «Морской чайке»?

– Есть. А она не потерпела аварии?

– О, нет! Могу засвидетельствовать, что капитан наш, Фриц Бельман, как человек хотя и неудобоварим, но моряк первостатейный. Позвольте еще побеспокоить вас вопросом... – «А, sapristi! о чем бы еще спросить его?» – подумал про себя Иван Петрович, которому хотелось, во что бы то ни стало, завязать сейчас знакомство «с одним из первых граждан». – «Ну, да все равно!» – Вот на той стороне Невы, я вижу, тоже дома: что там, предместье Ниеншанца?

– Нет, это русское селение Смольна.

– Русское, говорите вы? Откуда взялись у вас здесь русские?

– А еще с новгородских времен. Они здесь рассеяны повсюду. Это, так сказать, неизбежное и даже полезное зло среди коренного финского населения – *malum necessarium*.

– Так они смысленнее, способнее финнов?

– М-да, предприимчивее: есть между ними и мелкие торговцы, и огородники... А Смольна вон вся заселена русскими смолокурами. Но прошу извинения, *mein Herr*, мне время дорого. *Carpe diem*. Пользуйся днем.

И, слегка коснувшись рукой края шляпы, коммерции советник с высокоподнятой головой, неспешным шагом направился к «Морской чайке».

– Туда же ведь – сыплет латынью, как золотыми, золотой мешок! – усмехнулся Иван Петрович, провожая удаляющегося глазами. – А как я, право, рад, что встречаюсь здесь опять с земляками...

– Ты, сударь, и то расспросами своими об них чуть не выдал себя этой жар-птице, – предупредил калмык. – Того гляди, встретишь с русским, ляпнешь еще по-нашему... Лучше бы и нам с тобой говорить всегда по-французски.

– На улице – можно. *Eh bien, mon cher*... Продолжая разговор уже на французском языке, они берегом Охты скоро вышли на базарную площадь, находившуюся на том самом месте, где теперь стоит церковь Святого Духа. Около нагруженных разными деревенскими продуктами телег и таратаек лениво слонялись хозяева – чухна, попыхивая из своих коротких «пипок»; а на голой земле группами прикорнули босоногие, в пестрых, бьющих в глаза цветов национальных плахах торговки-чухонки с полными корзинами яиц, масляными кадушками и молочными кувшинами. В ожидании покупателей они без умолка так громогласно на всю площадь тараторили меж собой на своем негармоничном языке, что Лукашка не утерпел передразнить их и загоготал по-гусиному. Обиженные торговки загоготали теперь уже на самого шутника, но в то же время позади наших путников раздался громкий одобрительный смех. Они оглянулись.

Смеялся стоявший тут же с ручной тележкой продавец яблок. Типичные с окладистой бородой великорусские черты лица, а главное – задушевный смех не оставляли сомнения, что это кровный русак. От его добродушной веселости веяло чем-то таким родным, что Спафариев не мог удержаться – подошел к торговцу с вопросом:

– Русский?

Из осторожности он произнес одно только это слово, но по чистому московскому выговору русское ухо тотчас признало в нем своего. Лицо продавца просияло.

– А сам ты, батюшка, тоже русский? Не купишь ли яблочков? Отборные! С маленьким кваском, но сочные, так что слюнки потекут! Откушай-ка штучку. Не бойсь, сударик, ничего с тебя за то не возьму.

– *Qu'est ce que cela veut dire?*⁹ – поспешил по-французски вмешаться Лукашка и подмигнул своему господину на тот край площади.

⁹ Что это значит?

В самом деле, от моста через Охту приближался к ним, звеня саблей и шпорами, вчерашний знакомец, майор фон Конов.

– Ба! Маркиз Ламбаль! – говорил толстяк-майор, отдуваясь и с такой силой потрясая руку маркиза, точно хотел ее выдернуть из плеча. – Очень, очень рад! Что это вы – к яблокам прицениваетесь?

– Хочу прицениться, да вот не разберу, что он говорит такое?

– А вам сколько штук? Десяток?

– Нет, всю тележку.

– Как всю? На что это вам?

Не мог же Иван Петрович признаться, что ему необходимо отблагодарить этого первого земляка на чужбине за братское предложение – даром «откушать штучку».

– А вот сейчас увидите, – отвечал он. – Узнайте только, пожалуйста, что он требует?

На сделанный майором по-фински вопрос продавец, знавший, конечно, местный язык, отвечал, что дешевле пятидесяти крон, ей-ей, отдать не может.

– Это сколько же? – спросил Спафариев, передавая майору свой кошелек. – Будьте добры, рассчитайтесь.

Тот стал рассчитываться с торговцем. Иван Петрович же, взявшись руками за край полной яблоков тележки, перекувырнул ее. Яблоки, подпрыгивая, рассыпались, покатались кругом по земле.

В первый момент рыночные торговки, не упускавшие уже из вида наших туристов, были, видимо, поражены небывалой выходкой чужестранца и сочли его, вероятно, за полоумного. Когда же он теперь любезным жестом весьма наглядно пригласил их не церемониться, они не дали повторить себе приглашения и наперерыв бросились подбирать с земли даровое угощение в передники и за пазуху. Не обошлось при этом, разумеется, без завистливой брани и легкой потасовки, причем у одной торговки был опрокинут кувшин с молоком, у другой – корзина с яйцами. Но сцена вышла тем оживленнее и разом собрала кучку зрителей. Только самому торговцу было словно жаль своего «отборного» товара.

– И смех, и грех! – говорил он, почесывая за ухом.

– А! Фрекен Хильда? – заметил фон Конов, подходя с поклоном к одной из зрительниц, барышне-подростку.

Та, как уличенная в шалости школьница, вся зарумянилась и, пробормотав что-то, поспешила вместе с сопровождавшей ее горничной выбраться вон из толпы. Но, несмотря на то, что на ней было еще коротенькое платьице и золотисто-белокурые волосы ее были сплетены сзади в две длинные косички, она была уже так стройна, свежее личико ее было так миловидно, что Иван Петрович, не отрываясь, глядел ей вслед.

– Кто это? – спросил он майора.

– А фрекен Хильда Опалева, дочь коменданта здешней цитадели, – был ответ. – Заметили вы у нее в руках книжку?

– В черном переплете с золотым обрезом?

– Да. Это – священная история: фрекен Хильда ходит к пастору в ученье перед конфирмацией.

– Но ей ведь лет не более тринадцати?

– Нет, уже четырнадцать минуло. И то было бы рано конфирмоваться, но жених торопит...

– Она уже невеста!

– Негласная. Но в таком маленьком городке всякий секрет, – как у вас, французов, говорится, – un secret de polichinelle.

– И выходит, вероятно, за какого-нибудь друга детства?

– Нет, за человека, который мог бы быть ей чуть не отцом: первого здешнего денежного туза, Фризиуса.

– Коммерции советника?

– А вы, господин маркиз, почему знаете?

– Случайно только что познакомился с ним.

– Почтенный и, можно сказать, ученый муж. Отец его, здешний немецкий пастор, готовил его себе в преемники и отдал сперва в Упсальский университет.

– То-то он так и мечет латинскими фразами!

– Да, это его и сила, и слабость.

– Но тем не менее он выбрал коммерческую карьеру, чтобы скорее нажиться?

– Нажил он, точно, говорят, миллионы, но опять-таки благодаря только своему замечательному трудолюбию, коммерческой сметке и в особенности безупречной честности.

– И комендант ваш продал ему свою дочку?

– Как вам сказать?.. Фрекен Хильда, кажется, ничего не имеет против жениха. Отца же всего более, я думаю, подкупил патриотизм коммерции советника, который без процентов, на неопределенный срок ссудил нашего короля Карла XII очень крупной суммой в войне с русскими.

– Ah, sacrebleu! – невольно вырвалось у Ивана Петровича?

– Как?

– Нет, ничего... Я удивляюсь только бескорыстию господина коммерции советника. Но кто это вон там на мосту остановил его невесту? Никак фенрик Дивен.

– И то ведь он! Понять юноша не хочет, что самому ему нет уже никаких надежд. Надо спасти бедненькую.

Они направились к мосту через реку Охту, по середине которого, действительно, гарцевал на коне молодой фенрик, нарочно заграждая этим путь дочке коменданта. При виде своего начальника и французского маркиза Дивен несколько смешался и с напускною развязанностью приветствовал обоих:

– Мое почтение, господа... Я вот показываю только что mademoiselle моего нового Буцефала...

– А вы почему дали за фунт? – спросил фон Конов, хлопая не в меру откормленного коня по выхоленной спине.

Фрекен Хильда поторопилась воспользоваться появлением майора, чтобы проскользнуть на ту сторону задерживавшего ее живого шлагбаума.

– Виноват, фрекен! – крикнул ей вслед молодой фенрик, тотчас опять поравнявшись с нею. – Я забыл еще рассказать вам: я видел нынче во сне мою мамашу... И знаете ли, что она говорила про вас, что поручила мне?..

Девочка, делая вид, что не слышит, продолжала идти вперед.

– Вы совсем не любопытны! – не отставал неугомонный. – Она велела мне кланяться вам! Она так хорошо еще помнит вас из Стокгольма. Куда же вы так торопитесь, фрекен? Не будет ли у вас хоть какого-нибудь поручения?

– Ах, да! Пожалуйста, – ответила вдруг фрекен Хильда.

– Приказывайте!

– Когда увидите во сне опять вашу мамашу – не забудьте поклониться ей тоже от меня.

И, залившись вдруг серебристым смехом, девочка так быстро упорхнула далее, что пожилая служанка, запыхавшись, едва могла поспеть за нею.

Ливену ничего не оставалось, как поворотить коня, но неизменная, наивно-самодовольная улыбка, обнажавшая белый ряд зубов, ни на минуту не сходила с его цветущего лица.

– Шалунья! – сказал он, подъезжая опять к двум другим мужчинам. – Знаете ли, господин маркиз, какую она раз с нами, офицерами, штуку проделала?

– Ну?

– Были мы как-то прошлой зимой в гостях у отца ее, полковника Опалева. Простившись наконец, собираемся в прихожей надеть в рукава шинели. И что же? Никак не можем попасть в рукава. Что за притча! Смотрим, а она, злодейка, во всех шинелях зашила рукава!

Оба слушателя рассмеялись.

– Да, зимой она была еще совершенным ребенком, – сказал фон Конов. – Но теперь она не позволит уже себе ничего подобного.

– Жениха, вы думаете, побоится? Он точно следит за нею глазами арги... арго...

– Аргонавтов? – подсказал майор.

– Вот-вот!

– А может быть, Аргуса?

Теперь Ливен смекнул, что балагур-начальник подвел его, но из чувства субординации не посмел обидеться. Только нежно-румяные щеки его окрасились в багровый цвет, но губы по-прежнему приятно улыбались.

– У меня и из головы вон, что комендант послал меня по одному делу... – как будто вспомнил он вдруг. – До свиданья, господа!

И, хлестнув коня, он молодцевато поскакал далее.

– Добрейший малый, но на несколько глупостей опередил свой век, – заметил фон Конов.

– И зачем он всегда улыбается?

– А чтобы не лишать других удовольствия видеть его славные белые зубы. Ведь ему ничего же не стоит?

Глава шестая

*Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с вороны глаз не сводит...
И на приветливы Лисицъны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр вытал – с ним была плутовка такова.*

Крылов

– Однако солнце-то у вас здесь, на севере, тоже припекает, – заметив Спафариев, сняв шляпу и отирая себе платком разгоряченный лоб. – Ваш магистрат не дошел еще до того, чтобы, по примеру Западной Европы, устроить для обывателей тенистое место для прогулок? – Городской сад? Как же, да еще какой! Есть чем похвалиться, – отвечал фон Конов. – Я, кстати, до обеда свободен: угодно – провожу вас?

– Крайне обяжете.

По пути к саду майор пояснил, что городской сад, собственно, называется госпитальным садом от устроенного рядом с ним госпиталя – общественной богадельни; что далее за городом, по Выборгскому тракту, на берегу Невы, есть еще великолепный парк, так называемый «комендантский»¹⁰, где более природы; госпитальный же сад – последнее слово садового искусства.

Перейдя деревянным мостом через обрушившийся старый крепостной вал и заросший травой ров, они вскоре очутились перед воротами городского сада, на которых была прибита дощечка со шведской надписью.

– Все, как у вас на Западе, – говорил фон Конов, указывая на эту надпись: «Цветов не рвать, травы не мять, собак не водить». – А чтобы это действительно соблюдалось, к воротам, как видите, и сторож приставлен.

Последний, подслеповатый старичок-инвалид, при приближении офицера приподнялся со своей завалинки и отдал честь. Вдруг около них раздался собачий лай.

– Простите, ваша милость, – обратился инвалид к майору, – но собак водить нельзя.

– Да где же она? – спросил тот, озираясь кругом. – С нами нет собаки.

Сторож, ковляя на своей деревяшке, заметался вокруг господ. За спиной его снова затыкала собачонка. Он оглянулся, но там не было никого, кроме следовавшего за двумя господами ливрейного слуги.

– Это Люсьен мой опять дурит, – объяснил майору Иван Петрович.

Тот снисходительно только пожал плечами.

Отделенный от загородных огородов высоким дощатым забором, ниеншанцкий госпитальный сад представлял вполне замкнутый в себе растительный мирок. Рассаженные живописными купами или правильными аллеями дубы и липы, березы и клены были тщательно изуродованы ножницами садовника то по образу шарообразных померанцевых деревьев, то наподобие пирамидальных кипарисов, то в виде сплошной, непроницаемой лиственной стены. Дорожки, плотно утрамбованные и посыпанные песком, были проложены с самой строгой симметрией, приводя и справа и слева всегда к одной и той же пышной цветочной клумбе, на которой цветы всех колеров были расположены с такой же педантичной правильностью. Симметричность эта нарушалась только резвившимися вокруг клумб ребятишками да сидевшими тут же на скамейках нянюшками, вязавшими чулки и, как водится, пересуживавшими меж собою господ.

¹⁰ В настоящее время – парк гр. Кушелева-Безбородко.

– Ну, что, чем не ваш Версаль или Фонтенбло? – говорил не то шутя, не то самодовольно фон Конов. – А между тем отсюда до чертова логова – Паргала – рукой подать.

– Паргала? Это что же такое?

– А по-фински «паргала» или, вернее, «пергеле» не более не менее, как «черт». Ведь простому народу везде чудится нечистая сила. Ну, а местность по выборгскому тракту, которой дали здесь такое имя, действительно – глушь непроходимая, гнездо разбойничье, и протечет еще добрая сотня лет, пока нам удастся привить и там европейскую культуру.

Шведский майор отчасти только был прав: потребовалось, точно, чуть не две сотни лет, но не шведам, а русским, чтобы обратить прежнее «чертово логово» с окружающими дебрями и непролазными болотами в «европейски-культурное» дачное место. А что сказал бы еще фон Конов, если бы ему предсказали, что тот самый городской сад, которым он, по-видимому, так гордился, со временем будет служить лишь местом вечного успокоения – кладбищем одной из самых заброшенных городских окраин – Большой Охты?

– В этих насаждениях чувствуется гениально-причудливый стиль нашего великого придворного садовника Ленотра, – отозвался Иван Петрович, чтобы сказать что-нибудь приятное своему любезному путеводителю.

– Не правда ли? – подхватил с живостью фон Конов. – В особенности, надо признать, много стараний об украшении нашего богоспасаемого города прилагает коммерции советник Фризиус. По его указаниями, например, а главное – его же иждивением устроен вот этот «лабиринт» – неизбежная принадлежность современных садов. Угодно вам взглянуть? Или же сперва отдохнем тут в боскете?

– Да, не мешало бы: нагулялись до третьего пота. Они уселись в боскете; калмык же, отломив с куста цветущую ветку, стал обмахивать господ, отгоняя от них игравших в солнечных лучах мух и мошек.

– Простите мне, господин майор, мое любопытство, – заговорил он с простоватой миной. – Вопрос, может быть, очень глупый и неумный, но вы, по доброте вашей, не поставите мне в вину...

– Спрашивайте, любезнейший, – милостиво разрешил фон Конов. – Что вы хотите знать?

– Да вот-с... Когда мы проходили сюда, по пути нам попались вал да ров.

– Ну?

– Вал вконец обвалился, а во рву ни капельки воды. Город ваш с этой стороны, стало быть, совсем открыт?

Светлые черты веселого майора на минуту омрачились.

– Вопрос ваш вовсе не так глуп, – сказал он со вздохом. – Действительно, нельзя не пожалеть, что со времени последнего разгрома Ниеншанца, с лишком сорок лет назад, прежний вал уже не восстановлен. Теперь город так разросся, что его никаким валом не обведешь. Одним городским мальчишкам раздолье – играть на валу и во рву! Но недалеко позади вот этого сада возведено у нас полевое укрепление. Правда, это не то, что сплошной крепостной вал... У меня от покойного отца сохранился еще генеральный план прежнего Ниеншанца... Впрочем, для вас, Люсьен, этакий план – тарабарская грамота.

– Это что же – вроде панорамы? У господина маркиза есть тоже панорама Рейна...

Фон Конов громко расхохотался над невежеством француза-камердинера.

– Ну, план мой, пожалуй, тоже панорама, только с высоты птичьего полета. Как-нибудь при случае покажу. Вы, господин маркиз, где квартируетесь здесь в Ниеншанце?

– Везде и нигде.

– То есть?

– Пожитки мои еще на корабле, а сам я, как видите, слоняюсь по белу свету, пока не обрету пристанища. Я – фаталист и предоставляю все судьбе: куда заведет, туда и приткнусь.

Фон Конов дружелюбно похлопал его по спине.

– Так благодарите же вашу судьбу: я – человек вдовый, одинокий, принять у себя в доме такого милого представителя великой Франции мне и лестно, и приятно. Переберитесь-ка сейчас ко мне?

– О широком гостеприимстве северян я наслышался давно, – отвечал «представитель Франции», с теплотою пожимая руку майора, – и не откажусь хотя бы уже для того, чтобы прославлять потом шведское хлебосольство.

– А я постараюсь оправдать нашу славу. Для такого дорогого гостя мне надо будет заказать еще экстренное блюдо. Так не повернуть ли нам обратно?

Когда они проходили снова мимо бегавших вокруг цветочной клумбы детей, инвалид-сторож оказался тут же и принялся тотчас ворчать на играющих, чтобы показать перед майором свое служебное усердие. Но внимание служивого было внезапно отвлечено совершенно необычными в общественном саду звуками – хрюканьем свиньи. Инвалид растерялся, потому что хавронья должна была быть в двух шагах; между тем видать ее нигде не было. Догадался он о виновнике мистификации лишь тогда, когда, как бы в ответ хавронье, завизжал поросенок и ребятишки всею оравой, ликуя, бросились следом за Лукашкой. Но фон Конову такая непрошенная свита, видимо, была не по душе, и Иван Петрович сделал камердинеру серьезное внушение – не паясничать в присутствии господ. Но калмык достиг своей цели – еще более утвердил в шведском майоре мнение о его, Люсьена, дураковатости.

Не прошло и часа времени, как гостеприимный швед вводил маркиза Ламбаля в свой дом.

Мыза фон Конова стояла на нынешней Воскресенской набережной, и окна отведенных Ивану Петровичу покоев, для тогдашнего времени весьма комфортабельных, выходили прямо на Неву, так что хозяин имел полное основание пригласить гостя полюбоваться открывшимся из окон обширным речным видом.

– Вон наискось – наш артиллерийский парк, а далее – Заячий остров, Иенусари, где, кроме зайцев, ничего путного не найдете, – объяснил он, не подозревая, что следующим же летом на этом самом пустынном острове будет уже заложена русским царем в защиту от шведов новая крепость. – Зато вот еще далее – на Лосином острове, Хирвисари, лоси гуляют целыми стадами.

– Не долго гулять им! – отозвался Иван Петрович, радостно потирая руки.

– У вас и руки уже зачесались? Беда вот только с этим стариком де ла Гарди...

– А это что за субъект?

– Человек-то он, в сущности, хороший, да в последнее время, бедняга, совсем с ума спятил. Дело в том, что он, как и я, тоже в майорском чине, но лет на двадцать меня старше и за смертью старого коменданта целых два года временно управлял здешней цитаделью, ну, и рассчитывал, понятно, что его утвердят в должности. На самом видном месте Лосиною он выстроил себе загородную виллу, завел рыбки тони, зверинец... И вдруг ему на шею присылают сюда из Стокгольма нового коменданта, полковника Ополева...

– Отца фрёкен Хильды?

– Да. Ну, того это разом, конечно, подкосило. Сперва он впал в бешенство, потом в меланхолию и засел себе бирюком на своей мызе. В каждом ближнем он видит личного врага, в каждом иностранце – врага отечества и русского шпиона. Только комендант наш, странным образом, ладит еще с ним. Но объясняется это тем, что де ла Гарди – солдат до мозга костей и военную дисциплину ставит выше всего. Хотя он и зачислен уже в резерв, но в полковнике Опалеве признает еще своего шефа.

– Он, действительно, кажется, большой оригинал, – сказал Иван Петрович. – Чтобы охотиться на Лосином, пожалуй, придется заручиться еще его согласием?

– Для виду – да, хотя на деле охотиться там никому не воспрещено. Во всяком случае я, господин маркиз, вменяю себе в особенное удовольствие сопутствовать вам, и завтра же, если только комендант уволит меня от дежурства, мы переправимся туда на пароме с гончими.

– А у вас есть и гончие?

– О! У меня целая псарня! – воскликнул фон Конов, весь оживляясь. – Угодно вам хоть сейчас осмотреть? До обеда у нас как раз достанет время.

– Виноват, господин майор, – вмешался тут в разговор калмык, глазевший на Неву из другого окошка, – а что же отсюда не видать города?

– Да вы, Люсьен, разве не заметили при переправе сюда, что Нева делает крутой поворот?

– Поворот? Хоть убейте – не припомню. Я все звал по сторонам на речную панораму... А на вашей, господин майор, панораме, что досталась вам от покойного родителя, оба берега тоже выведены или один?

Простак Люсьен скорчил такую уморительно-глупую рожицу, что майор разразился опять хохотом.

– От вас, я виду, не отвяжешься, пока не покажешь вам моей «панорамы», – сказал он. – Погодите минуточку.

– И на что тебе, братец? – вполголоса спросил Иван Петрович камердинера по уходе хозяина. – Ведь слышал ты, что план у него старый, стало быть, никуда не пригодный?

– Не бойсь, пригодится.

– Вот вам и моя панорама! – сказал, входя, фон Конов и развернул на столе генеральный план старинного Ниеншанца. – Вы, Люсьен, должны вообразить себя стоящим на высокой-превысокой колокольне, откуда видишь внизу под собою всю окрестность, как на ладони. Понимаете вы?

– Как не понять... Только где же тут что?

– А вот тут Нева, тут моя мыза, а здесь город.

– Так... Теперь-то, пожалуй, я и сам тоже найду всякую штуку. Спросите-ка меня шутки ради, господин майор?

– Проэкзаменуем, – усмехнулся майор, которого все более потешала ребяческая наивность камердинера. – Где цитадель, ну-ка?

– А тут! – провел калмык ногтем по зубчатой линии вокруг города.

– Вот и сплеховали, ха-ха-ха! Это – прежние городские укрепления, от которых теперь остались только обвалившийся вал да заросший ров по пути к госпитальному саду.

– Где мы давеча с вами проходили?

– Ну, да. А цитадель вон где, на мызе. Окружают ее, видите ли, тоже вал да ров, и этот внутренний вал в полной исправности, а ров наполнен водою.

– И высокий вал?

– Да сажень в девять.

– Вот это так! А на валу, конечно, пушки?

– Еще бы: целых семь бастионов, а между бастионами высокий частокол.

– Ого! Так цитадель ваша, стало быть, совсем неприступна, – успокоенным тоном сказал Лукашка. – А город теперь разве не защищен?

– Защищен. Прежнего вала кругом хотя уже и нет, но взамен того с разных сторон возведены четыре наружных редута.

– Это что же такое?

– Редуты – полевые укрепления.

– Да тут на плане их что-то не видно.

– Попасть сюда, на старый план, они и не могли, потому что выстроены после. Один, самый сильный, редут вот здесь, на противоположном берегу Невы, под Смольной, остальные

три на этом берегу, примерно вот тут, тут и тут... Впрочем, что же это я заболтался с вами! Ведь нам с господином маркизом надо еще на псарню. Неужели кабриолет еще не подан?

Фон Конов быстрыми шагами вышел.

– Ну, сударь, теперь уходи-ка тоже с Богом! – заторопил Лукашка своего господина.

– Тебе-то что?

– Уходи, уходи. А не то он план свой отберет сейчас опять.

– А ты копию снять хочешь?

– Копию не копию, а смастерить по нем свой собственный планчик.

– Ну, этого я не допущу: милого майора моего я настолько заэстимовал...

– Эстимы твои при тебе и будут. Ты веди свою линию, а я свою.

– Забил себе в башку – и никаким колом не вышибешь! – притворно рассердился Иван Петрович, который втайне, однако, не мог не сочувствовать патриотическому замыслу калмыка. – Я всячески омываю рuce в неповинных!

– Само собою: ни ты, ни майор за меня не ответчики.

– Не забудь только дверь-то на ключ замкнуть.

– А уж об этом, батюшка, не печалься. Мне дай только на воз сесть, а ноги то я и сам подберу.

Глава седьмая

*...Могучая рука
Спустила тетиву – и, сделав два прыжка,
Чудовищный олень без стога повалился.*

Сага о Нибелунгах

*Эй! улю-лю, родимые:
Эй! улю-лю, ату!*

Некрасов

На старинной шведской карте конца XVII века в местности, занимаемой в наше время Петербургом и его окрестностями, показано до сорока поселений. Но поселения эти – в большинстве одинокие дворянские мызы или убогие маленькие деревушки – терялись по всему необъятному пространству нынешней столицы и раскинувшихся кругом дачных мест среди векового, почти нетронутого еще бора и болотистых тундр.

Мыза фон Конова стояла, как уже знают читатели, на видном месте – на теперешней Воскресенской набережной. Покойный отец майора, а затем и он сам постепенно расширили свое основное имение покупкою прилегающих участков, так что ко времени нашего рассказа владения майора простирались вниз по течению Невы вплоть до нынешней пристани петербургских пароходов в конце Английской набережной. Но если разведенный около господской мызы обширный парк мало чем отличался от европейских парков, то сейчас за парком началась изрядная глушь и топь, сквозь которую в иных местах не только в кабриолете, но и верхом едва можно было пробраться. Поэтому на первый раз фон Конов ограничился тем, что повез гостя через весь парк на ту сторону Фонтанки, где на месте нынешнего Летнего сада помещалась, кроме «образцовой» фермы, не менее образцовая псарня. Нахвалившись вдосталь своими породистыми легавыми и гончими, он повел маркиза еще в зверинец, где за особой изгородью содержалось маленькое стадо молодых лосей и диких коз, а в железных клетках – несколько хищных зверей: пара презабавных по своей неуклюжести медвежат, трое лисенят и один седой матерый волк, который, злобно косясь на двух почетных визитеров, ляскал на них зубами.

– И за что ты злобишься на меня? – добродушно говорил волку фон Конов, точно тот мог понять его, и бросил ему поданный служителем кусок сырого мяса. – Кормим, кажется, так, как на воле тебе и во сне не снилось. Правда, воля – и для вашего брата первое дело! А выпустить, милый мой, не взыщи, не могу: лучшую корову мне зарезал. Будь зима, я устроил бы для вас формальную волчью травлю, – обратился он к гостю. – На этих днях, впрочем, я, кажется, буду иметь возможность пригласить вас на медвежью облаву: одного молодого мишука мне уже выследили. Теперь же, я думаю, обед дома ждет нас.

Они сели в кабриолет и резво покатали обратно на мызу. Здесь обед, точно, был уже готов, и хотя он состоял только из незамысловатых мясных и рыбных блюд, но был изготовлен из самых свежих продуктов да так вкусно, что даже избалованный французскою кухней Спифариев от души только похваливал.

– А теперь, господин маркиз, простите, я на часок отлучусь. Мне надо еще на экзерцир-плац, – объявил хозяин, когда они осушили последний бокал. – Не знаю, чем бы покамест позанять вас...

– А не найдется ли у вас парусной лодки? – спросил Иван Петрович? – Мы с Люсьеном прокатились бы вниз по Неве.

– Сделайте милость, – был ответ, – я дам вам с собой двух хороших гребцов.

– Благодарю вас, но мы и так обойдемся: мы чуть не ежедневно катаемся по Сене, дело для нас привычное.

– Но вы не знаете здешних мест: неравно сядете на мель либо заблудитесь между островами.

– Вот это-то меня и прельщает, – рассмеялся гость, – открыть новую Америку. Ты здесь, Люсьен?

– Здесь, – отозвался калмык, подходя к господам и возвращая хозяину его план. – Вы, господин майор, забыли давеча у нас на столе.

Пять минут спустя от пристани перед мызой отчалили две лодки. В одной сидел фон Конов с четырьмя гребцами, в другой – наш маркиз сам-друг с камердинером. Выбор Ивана Петровича остановился на самом легоньком, двухвесельном челноке с мачтой.

– Вы и ружье с собой берете? – крикнул еще, отъезжая, фон Конов. – Верно, на уток?

– А что подвернется. Может быть, и лося вам с Лосинового приволоку.

– Боже вас упаси! Еще на де ла Гарди нарветесь. Обещайтесь мне не сходить на берег...

Заботливый хозяин кричал еще что-то, но его нельзя было уже расслышать, потому что четыре гребца дружно взяли за весла, и лодка майора живо двинулась против течения, рассыпая кругом шипящие брызги, а челночок маркиза, под не менее ловкими ударами весел Люсьена, стрелой понесся вниз по течению на середину реки.

– Ну, что, конспиратор? – спросил Иван Петрович. Калмык понял его и с самодовольством похлопал рукою по левой стороне груди.

– Спроворил в лучшем виде! Ужо вот только на месте еще проверить.

– Покажи-ка сюда.

Лукашка достал из бокового кармана изготовленный им новый план и издала показал барину.

– Да дай же в руки!

– Прости, сударь, но я с ним уже не расстанусь, храню у самого сердца.

И, бережно сложив опять вчетверо лист, он спрятал его обратно в карман.

– Что ты, не веришь мне, что ли!

– Отчего бы и не поверить? – лукаво усмехнулся в ответ Лукашка. – Попуститель ведь, почитай, такой же конспиратор, как и совершитель.

– Так-то ты! – вскричал господин, блеснув глазами. – Давай же сюда! Слышишь? Сейчас на кусочки изорву.

– То-то вот. Не погневись, сударь, что с воза упало, то пропало. А для меня нет теперь ничего дороже этого планчика на белом свете.

Тем временем челнок их миновал уже Заячий остров и поравнялся с Васильевским – Лосиным. На так называемой «биржевой стрелке», где теперь меж двух рогатых маяков гордо высится каменная громада биржи с роскошной лестницей и колоннадой, в начале XVIII века из глубины березовой чащи выступали одни лишь деревянные бараки устроенной здесь майором де ла Гарди тони. Единственной искусственной декорацией служили ей развешанные по берегу сети, а оживляющим ландшафт элементом являлись несколько чухонцев-плотников, мастеровивших ладью весьма почтенных размеров. Среди них выделялся сторбленный, но плечистый старик в поношенном офицерском кафтане, с непокрытой головою. Хотя в шведском войске в ту пору допускались одни усы, а иные, по примеру короля, не носили и усов, у старика-офицера белая как лунь борода была запущена и всклокочена, точно так же, как и длинные пряди серебристых волос вокруг оголенного черепа. Опираясь на толстую шпанскую трость, он сердито покрикивал на рабочих.

– Вон и сам де ла Гарди, – сказал Иван Петрович. – Но где же его вилла?

– А, знать, в этой просеке, что видна сейчас за последним сараем, – указал Лукашка.

– *Wie geht es alter Herr? Habe die Ehre!* (Как поживаете, почтеннейший? Имею честь!) – окликнул старика-офицера Спафариев. Когда же тот удивленно оглянулся, то замахал ему с изысканной галантностью шляпой.

Зараженный школьнической выходкой барина, калмык не замедлил загорланить молодым петухом. Справедливо возмущенный, де ла Гарди гневно погрозил шутникам тростью. Но быстрым течением челнок их отнесло уже за угол стрелки, и тоня с ее владельцем скрылась из виду.

– Ближе к берегу, ближе, да не торопись! – говорил Спафариев, пристально вглядываясь в скользившую мимо них лесную гущину.

Гущина эта, в самом деле, должна была давать надежное убежище и раздолье крупнейшей дичи севера, от которой самый остров получил свое название и ни одного живого представителя которой герой наш, считавший себя первоклассным охотником, к стыду своему, никогда еще не видел.

– Чу! Никак колокольчик? – заметил Лукашка, но господин молчаливым жестом показал ему – ради Бога, молчать.

Где в настоящее время боковым своим фасадом выступает на набережную Большой Невы необъятное здание университета, куда со всех концов столицы, мелькая голубыми околышами, стекается жаждающая света науки молодежь, – там виднелась тогда только лесная прогалина, по которой вилась протоптанная лосями тропа к обычному их водопою. И там-то вот, из глубины прогалины, показалось теперь небольшое, голов в пять шесть, стадо лосей, предшествуемое вожаком – могучим старым лосем.

При виде челнока с людьми вожак-лось на миг остолбенел; в следующий миг он горделиво закинул свою громадную ветвистую рассоху на спину и повернул обратно в лес.

Но охотничья жилка неудержимо уже забила в груди молодого охотника. Схватив лежавшее рядом на скамье заряженное ружье, он спустил курок, ни секунды не целясь. Одновременно с треском выстрела в челноке старый лось на берегу сделал предсмертный прыжок и грохнулся наземь, между тем как подначальное ему стадо в смертельном переполохе шараянулось назад в чащу.

– Ура! – возликовал счастливый стрелок, кладя в сторону дымящееся еще ружье. – Причаливай!

– Да майор фон Конов взял с тебя слово, сударь, не сходить на берег, – возразил Лукашка.

– Хотел взять, точно, но я ему, к счастью, ничего не обещал.

– Такого чудовища, поди, и с места не сдвинуть, да и лодчонку нашу, пожалуй, потопим.

– А на что нам его туша. Рога бы только на память забрать. Причаливай, говорят тебе!

Челнок еще не ударился о берег, как Иван Петрович был уже там. Лось лежал на правом боку с закинутой назад головой. Ноги его судорожно еще трепетали; закатившиеся белки глаз просвечивали сквозь полуоткрытые, желтоватые ресницы; длинный язык висел из угла рта, покрытый слюной и пеной, а из левого бока била ключом темно-алая струйка крови, орошая кругом примятую траву. Пуля попала в самое сердце, и бедное животное недолго, по крайней мере, промучилось.

«Что за колосс! – восхищался про себя Иван Петрович, никак не воображавший, чтобы лоси, которых он знал до тех пор только по иллюстрациям, могли достигать таких размеров. – Но эти рога! Чуть не о ста концах и какого калибра...»

– Ah, sacrebleu! – разочарованно вырвалось у него вслух.

И было отчего: на шее у лося оказался подвязанный на ремешке серебряный колокольчик; стало быть, экземпляр был отмеченный, – пожалуй, даже прирученный...

«Ну, да все одно! Не оставлять же тут...» – решил Иван Петрович и, выхватив из-под камзола скрытый кинжал, принялся опытной охотничьей рукой отбивать с головы животного великолепную рассоху.

– Берегись, барин, шалый майор бежит! – донесся к нему из челнока окрик Лукашки.

Барин поднял глаза: действительно, по опушке бежал к нему де ла Гарди. Спотыкаясь о древесные корни, старик на бегу надтреснутым, но угрожающим голосом кричал ему что-то.

Терять времени было нечего. Иван Петрович с удвоенным усердием продолжал работать кинжалом, хотя его уже пот прошиб.

И усердие его увенчалось успехом: тяжеловесные, пуда в полтора, рога отделились от черепа животного, отделились как раз вовремя, потому что майор добежал уже до браконьера и замахнулся на него своей здоровенной шпанской тростью.

Отпарировать удар Спафариев мог только лосиной рассохой, и хотя от этого ответного удара майорская трость отлетела далеко в сторону, но зато самому майору удалось ухватиться тут же руками за один из рогов. Молодому человеку не стоило бы, пожалуй, большого труда одолеть слабосильного старца. Но тот так судорожно-цепко держался за рог, что стряхнуть его не было возможности, не сбив его вместе с тем с ног. Жалея старика, Иван Петрович прибегнул к более деликатному средству: он стал вывертывать рассоху из рук противника.

– Живей кончай, сударь, к нему сикурс идет! – предупредил опять Лукашка.

И то: в нескольких шагах от себя Иван Петрович увидел двух мужиков чухонцев, спешивших на «сикурс» к своему господину. Но де ла Гарди, совсем обессилив, и сам уже поневоле выпустил из рук спорную добычу. Подхватив ее, Спафариев, как на крыльях, полетел обратно к челноку, прыгнул в него и оттолкнулся от берега.

Все описанное произошло, разумеется, гораздо быстрее, чем могло быть рассказано нами.

– Он тебе этого не спустит, – говорил Лукашка, оглядываясь назад, где де ла Гарди стоял еще среди своих людей, на том же месте, яростно потрясая уплывающим вслед кулаками.

– То впереди, а куда все-таки наша взяла! – весело отозвался Иван Петрович, к которому вернулось опять все его природное легкомыслие. – Ты полюбуйся-ка только этими рожками: точно с какого-то допотопного зверя!.. Уф! Словно в бане побывал... – прибавил он, проводя рукою по разгоряченному лицу.

– Ты, сударь, чем лицо-то размалевывать, сперва бы руки себе пополоскал.

Теперь только, взглянув на свои ладони, Иван Петрович заметил, что обе в крови. Наклонясь через борт к воде, он обмыл руки, а потом и лицо.

– Но ты-то, братец, тоже хорош, – говорил он. – Во-первых, даешь барину своему в одиночку отдуваться...

– Да как же лодку-то одну оставить было: рекой сейчас бы унесло.

– Во-вторых, ты кричал мне ведь по-русски...

– Типун мне на язык! – спохватился тут камердинер. – Ну, да старик, может, и не разобрал. Благо хоть погони-то нет... Э-э! Да вон мужичье назад уже ударилось во все лопатки. Верно, за лодкой.

– Но сам майор стоит все там же.

– А умаялся, знать, не в меру, обжидает, поколе сбегает. Забодай их бык!

В самом деле, наши молодые искатели приключений не отъехали еще особенно далеко, как из-за биржевой стрелки в Большую Неву к ним выплыл шестивесельный баркас.

– Ну, Лукаш, – сказал Иван Петрович, – отодвинься-ка и дай мне одно весло: купно поналяжем.

Они «поналегли купно», и челнок полетел вниз по реке стрелой. Баркас на минутку только пристал к тому месту, где ждал старик-майор, чтобы принять последнего. Затем началась уже форменная гонка.

Хотя челнок двух русских был из самых легких и оба они заявили себя отменными гребцами, но на баркасе работало шестеро не менее привычных гребцов, и расстояние между тем и другим понемногу сокращалось.

– Сейчас будем на взморье, – сказал Иван Петрович, оглянувшись через плечо, – а дальше куда же? Как ни вертись – сцапают.

– Одно средство – зарыться в камыши, – отвечал Лукашка, кивая на обросшие Галерный остров густые камыши. – Наша ореховая скорлупка кое-как еще продерется, а они застрянут.

Маневр действительно удался. Маленький остроносый челнок без затруднений скользил сквозь камышовую чащу, скрывавшую его притом от взоров преследователей. Те сгоряча ворвались туда же, но три весла с каждого борта, опутываемые при всяком взмахе осокой и камышами, поневоле вышли из такта и мешали друг другу; баркас закачало с бока на бок и почти совсем затормозило.

Беглецам в их убежище этого не было видно, но догадаться о том было нетрудно по доносившимся к ним досадливым возгласам майора, напоминавшим скорее рыкание старого льва, чем членораздельные звуки человеческой речи.

– Изволишь слышать, как кипятится старичина? – шепотом обратился калмык к своему господину. – Здорово, стало, застопорились. Теперь можно и на волю.

Выбрались они из камышей в открытую воду уже при устье Кеме-Фонтанки.

– Назад на Неву мимо них нам путь отрезан, – заметил Лукашка, – но вот тут никак тот самый проток, про который мне сказывал Мартин Брюгге. Ты, сударь, покуда, знай, гребь, а я живой рукой поставлю парус: благо, ветер посвежел и дует с моря.

Сказано – сделано. Едва только парус распустился на мачте, как свежим ветром его разом надуло и челнок, накренившись на бок, быстро понесся вверх по течению в Фонтанку. Как раз вовремя – потому что майорский баркас уже выплыл из камышей.

Погоня возобновилась. Де ла Гарди, без шляпы, с развевающимися по ветру волосами, просто надрывался, осипшим голосом подбодряя своих гребцов, стуча по борту тростью, топя ногами. Но Фонтанка не была тогда еще очищена от многочисленных мелей и водяных трав; глубоко сидевший в воде баркас должен был лавировать между этими препятствиями с некоторою опаской, тогда как челнок-скорлупка на парусе своем, как чайка с распущенными крыльями, смело и неуклонно несся все вперед да вперед, разрезая острой грудью пенящиеся волны. Тем не менее, хоть и незаметно, но постепенно расстояние между теми и другими уменьшилось уже на половину – до ста шагов. А тут с уклонением реки около нынешней Большой Итальянской на северо-запад, покрывавший берега ее лес настолько стал задерживать силу морского ветра, что парус наших беглецов вдруг затрепыхался, повис на мачте, и им пришлось снова пустить в ход весла.

– Смотри, ведь нагоняют, ей-Богу, нагоняют, – пыхтел Иван Петрович, с которого от усиленной работы пот струился уже градом.

– Да, их шесть человек, – отвечал Лукашка. – Но дай нам только до Невы добраться: там парус наш опять за шестерых постоит.

Однако еще до Невы им предстояло новое испытание. На границе владений фон Конова (около нынешнего Инженерного замка), на правом берегу реки стояла рыбацья хижина. Хозяин ее, должно быть, отсутствовал; хозяйка, подоткнув сарафан, полоскала у берега белье, а сынишка ее, мальчуган лет девяти, с привязанного тут же дощаника удил самодельной удочкой рыбу. Фарватер здесь был особенно тесен, потому что всю средину реки, почти вплоть до левого берега, захватила песчаная, заросшая камышом отмель. Едва только челнок наших русских достиг отмели, как со следовавшего сзади баркаса раздался повелительный окрик де ла Гарди. Кричал он по-фински и, несомненно, рыбацке, потому что та поспешила исполнить приказание грозного старика-офицера и отвязала дощаник. Сын же ее, бросив удочку, схватил единственное весло и направил свое суденышко поперек фарватера...

– Чтоб ты мухи съели, постреленок! – выругался Лукашка. – Назад, барин!

– Куда назад?

– Да одно средство – проскочить тем берегом. Когда они огибали отмель, баркас был от них не далее восьми шагов. Но они как раз еще проскользнули мимо и въехали в проток между отмелью и левым берегом реки. Проток, к счастью их, был настолько узок и мелководен, что и обыкновенной двухвесельной лодке едва ли можно было пробраться этим путем. Но легонький челнок, точно приспособленный для таких okazji, живо проскочил-таки из-за отмели в полулю воду.

– Наша взяла! – заликовал Лукашка. – А они-то, они – ха-ха-ха! – сами, поди, в свою ловушку попали.

И точно: длинный, неуклюжий дощаник, с которым мальчуган не умел еще управляться, положительно заградил фарватер и не пропускал баркас. Де ла Гарди вне себя бесновался, бранился по-шведски и по-фински, но в конце концов вынужден был отрядить двух из своих гребцов на дощаник, чтобы убрать его к берегу. Тем временем перед преследуемыми раскрылась опять синяя ширь Невы, и морской ветер подхватил их парус с новой силой.

– Ну, теперь мы все равно что дома! – вздохнул из глубины груди Иван Петрович, и действительно, несколько минут спустя, они были уже у небольшой пристани перед фон Коновою мызой. Вслед затем причалил туда и майорский баркас, но беглецы, предоставив дежурному матросу на пристани убрать с челнока их парус, спаслись уже в дом, захватив с собой, разумеется, и свой охотничий трофей. Бирюк де ла Гарди не решился последовать туда за ними. Некоторое время только под окнами слышалось еще его невнятное брюзжание: бедный старик до того надсадился, что совсем с голоса спал. Первая забота Ивана Петровича была – с помощью воды и мыла уничтожить на своей персоне последние следы пролитой им крови. Когда он затем из-за оконной занавески выглянул вниз на пристань, баркас смертельного врага его уже отчалил и направлялся обратно к Лосиному.

Фон Конов возвратился со службы только к вечеру и выслушал юмористическое повествование гостя о его приключениях необычайно серьезно.

– А знаете ли, мой милый маркиз, – сказал он, – чем это пахнет?

– Ну?

– Немедленной высылкой вашей из пределов Швеции или тюремным заключением до полного разъяснения дела.

– Вы шутите? Разве де ла Гарди этот у вас уже такая сила?

– Официально – нет, но на деле – да. И мы-то, свои люди, остерегаемся раздражить этого бедового и... больного человека, а вы, оказывается, убили его заповедного лося. Ведь он собственноручно навесил ему серебряный колокольчик, чтобы никто уже не смел его пальцем тронуть.

– И меня, признаться, колокольчик это сперва несколько озадачил. Но дело было уже сделано... Вы взгляните только, что за роскошь! – оправдывался Иван Петрович, указывая на лежавшие перед ними на столе небывалой величины рога лося, которые Лукашка, по приказанию своего господина, хорошенько очистил ножом и мылом и высушил на плите в кухне.

– Рога роскошные, что говорить, – согласился фон Конов, – но тем грустнее, что вам придется распрощаться с ними.

– Как! Вы хотите, чтобы я возвратил их?

– Это первое и неизбежное условие примирения с безумным стариком. А примириться с ним, я говорю вам, необходимо, потому что он, наверное, уже подозревает в вас тайного русского... агента и не даст коменданту нашему, полковнику Опалеву, покоя, пока не сживет вас отсюда. Положение же у нас нынче, сами знаете, строгое, военное...

Спафариив очень естественно расхохотался.

– Вот не думал не гадал! Я, маркиз Ламбаль – русский, да еще тайный агент, то есть попросту говоря – шпион! Благодарю! Вы же с вашим комендантом, надеюсь, не думаете этого?

– Понятно, нет, но всячески, знаете, будет небесполезно, если вы первые предупредите коменданта. Нынче уже поздно; но завтра советую вам спозаранку отправиться к нему с визитом и рассказать откровенно все, как было. Если кто уладит дело, то никто как он.

Глава восьмая

Арина Пантелеймоновна.

А позвольте узнать, по какой причине?

Анучкин.

По соседству-с. Находясь довольно в близком соседстве...

Агафья Тихоновна.

Мне стыдно, право, стыдно; я уйду, право, уйду. Тетушка, посидите за меня.

Гоголь

На следующее утро Иван Петрович, действительно, встал спозаранку, то есть часом ранее обыкновенного; но многосложный туалет его потребовал столько времени, что, когда он вышел в столовую, хозяина уже и след простыл. Прислуживавший гостю за утренней закуской слуга, знавший немного по-немецки, доложил ему, что господин майор изволил отбыть на утреннее учение и вернется только к обеду, но что ему, слуге, поручено проводить господина маркиза в цитадель к господину коменданту.

Прибыв к цитадели, они от стоявшего на часах у подъемного моста солдата-шведа узнали, что господин полковник также на учении в артиллерийском парке, но вскоре должен вернуться.

– Так я обожду, – сказал Иван Петрович и вместе с провожатым вошел в крепостные ворота.

Герой наш, как знают уже читатели, при всей верноподданности своей престолу и отечеству, ни мало не задавался целью своего личарды – «вышпионить» шведов; а теперь к тому же мысли его были еще заняты предстоявшим щекотливым объяснением с комендантом. Поэтому, не удостоивая никакого внимания крепостные сооружения, он с подъемного моста направился прямо к главному входу цитадели и поднялся за проводником во второй этаж, где помещалась квартира коменданта.

Толмач-слуга пригодился ему и тут при объяснении с финкой служанкой, впустившей их в прихожую.

– А фрёкен Хильда дома? – спросил Иван Петрович.

– Обе фрёкен дома.

– Обе?

– Да-с: фрёкен Хульда и фрёкен Хильда.

– Вот как, их две? Доложите же, что им желал бы засвидетельствовать свое почтение французский маркиз Ламбаль.

Маркизу, однако, пришлось раза три повторить свое мудреное звание и свою не менее мудреную фамилию, пока те не поддались непослушному языку финки. Недолго погодя посланная вернулась в прихожую и, низко приседая, распахнула перед гостем дверь в горницу:

– Tulka sissa. (Войдите).

Здесь его заставили прождать значительно долее (обе фрёкен, как можно было догадаться, сочли нужным принарядиться для редкостного гостя), и он имел полное время оглядеться. Если то была парадная гостиная, то она никак не имела ничего общего с теми великосветскими салонами, в которых он еще так недавно проводил целые вечера или, вернее сказать, ночи у своих парижских знакомых. Там высокие, часто в два света, помещения, обитые драгоценными гобеленами, были уставлены пышной, шелковой мебелью в изящном стиле ренессанс, начинавшем переходить в вычурно-причудливый рококо. Гостиная ниеншанцкого коменданта, при всей своей просторности, была несоразмерно низка и казалась еще ниже

потому, что по потолку из конца в конец были проложены толстые полированные балки. Стены кругом были выложены полированными же, симметрично расположенными дощечками; причем и балки, и стены были изукрашены довольно искусно вырезанными изображениями из священного писания и благочестивыми изречениями. Рука времени, а может быть, и рука художника наложила на все однообразный темный колорит, придававший горнице несколько мрачный, но замечательно уютный вид. Уютности этой способствовала и вся обстановка: громадная, но не лишенная своего рода монументальной красоты муравленая печь из глазированных изразцов; массивные диван и кресла с могучими, крутыми спинками и ручками; палисандрового дерева клавесин; особенно же окна: последние были увешаны прозрачными кисейными занавесками и уставлены горшками гортензий, гиацинтов, тюльпанов и махровых роз; по бокам окон вился плющ, цепкие ветки которого, сплетаясь вверху, густой зеленью своей даже затемнили верхние стекла. Среди этой зелени в одном окне качалась в деревянной клетке канарейка, в другом – кардинал, в третьем – горихвостка. Перед средним окном на небольшом возвышении стояли друг против друга, со столиком посередине, два потертых кожаных кресла, а на столике лежал большой фолиант в толстом деревянном переплете, обтянутом свиной кожей, с медными застежками. Вытисненный на переплете золотой крест показывал, что это – священное писание. Тут же, на книге, оказались большущие очки, как бы сейчас только снятые с носа, а рядом с ними – недовязанный, очень внушительных размеров чулок с вязальными спицами.

«Однако ножка, для которой предназначен сей чулок! – усмехнулся про себя Иван Петрович. – И очки уже надевает бедная вязальщица... Но те же пальцы, видно, умеют и по клавишам бегать...»

Он подошел к клавесину, поднял крышку и взял несколько аккордов. В это время на пороге из внутренних покоев показались обе хозяйки.

«Да, фамильное сходство между обеими поразительное, но фрёкен Хульда по меньшей мере вдвое старше, и ее богатырское сложение, гренадерская осанка, энергические крупные черты лица, густые белокурые букли и здоровый сизый румянец во всю щеку наглядно показывают, какую станет со временем и младшая, фрёкен Хильда. По возрасту они едва ли родные сестры, но по сходству могли бы быть. Значит, на всякий случай так и будем разуметь их».

Все это мгновенно промелькнуло в голове Ивана Петровича, и он с галантным поклоном сделал два шага к вошедшим и отрекомендовался. Те обе одновременно ответили ему совершенно таким же патриархально-чинным книксеном, как давеча горничная-финка, так что нашему маркизу стоило некоторого усилия над собою, чтобы сохранить серьезный вид.

– Нам очень жаль... Папы нет дома... Не хотите ли присесть? – застенчиво пролепетала младшая довольно бегло по-французски, снова приседая и зардевшись вдруг до ушей: она, видно, узнала теперь вчерашнего спутника фон Конова.

Поблагодарив, Иван Петрович выждал, пока обе усядутся на диван, и опустил затем в предложенное ему кресло, которое, должно быть, так же для прочности, было набито, как показалось ему, мелким булыжником. Но это опять-таки совершенно отвечало всей окружающей солидной, вековой обстановке.

– Давно я не чувствовал себя так хорошо, как здесь у вас, – обратился он к фрёкен Хульде, как к старшей. – Я, надо знать вам, вечный скиталец на море житейском, слоняюсь из края в край, а тут точно попал опять к себе в отчий дом: все кажется мне таким милым, родным, знакомым, будто я бывал тут уже сотни раз. И обеих вас, мадемуазели, я будто давным-давно знаю: вы дополняете только собою эту славную, родственную обстановку...

Фрёкен Хульда вопросительно, как бы ища поддержки, обернулась к младшей барышне.

– Тетушка моя не говорит по-французски, – объяснила последняя.

– Ваша тетушка? – воскликнул Иван Петрович. – Не может быть! Мадемуазель, верно, ваша старшая сестрица?

Эти слова тетушка, казалось, поняла, потому что в свою очередь теперь слегка покраснела, но ошибка молодого человека, по-видимому, ничуть не была ей неприятна, потому что она с особенно приветливой миной на ломаном немецком языке спросила: не говорит ли он, может быть, по-немецки?

– С грехом пополам объясняюсь, – отвечал он. – Но мне все как-то не верится, чтобы вы не были родные сестры!

– Да, мы с племянницей очень схожи, – степенно отозвалась фрёкен Хульда. – Но я ровно на тридцать лет ее старше: ей – четырнадцать, мне – сорок четыре.

Спафариев не шутя уже был удивлен.

– Простите, мадемуазель, если я вам не поверю... Она снисходительно усмехнулась:

– Мы, северянки, действительно, сохраняемся довольно долго, мы ведь потомки древних викингов норманских. А скажите, пожалуйста, мне очень важно знать: хорошо ли говорит Хильда по-французски?

– Восхитительно.

– Стало быть, недаром каждое слово ее обошлось мне в две кроны!

– Вам?

– Да, она крестница моя, и я приняла на себя все издержки по ее воспитанию.

– А вы, мадемуазель, воспитывались здесь, в Ни-еншанце? – обратился он к племяннице.

Вместо маленькой дикарки, однако, отвечала опять тетушка.

– Нет, в Стокгольме. Отец ее с переводом сюда комендантом так стосковался по девочке, что я должна была поскорее привезти ее к нему, хотя она не окончила еще последнего класса. Это было тем более жаль, что она в своем классе была всегда первой.

– А я в своем, увы! – всегда двадцать первым!

– Сколько же вас всех было в классе?

– Двадцать один человек.

Черты фрёкен Хульды подернулись облаком: ей, видимо, было грустно разочароваться в таком милом молодом человеке, и, в утешение себе, она достала из кармана небольшую черепаховую табакерку и угостила себя щепоточкой табаку.

«Ах, ах! – вздохнул про себя Спафариев. – Так-то однажды и племянница будет утешаться в горести и печали!»

– Вы, стало быть, были последним в классе? – спросила фрёкен Хульда.

– Выходит, так, но моя ли вина, согласитесь, что нас было не более двадцати одного? Зато я благодетельствовал других, уступал им лучшие места.

– Вы, господин маркиз, кажется, довольно беззаботны, но сердце у вас доброе.

– Доброе ли – не берусь судить, но пречувствительное, и при виде чужой беды, чужого горя слезы у меня всегда наготове. Когда я, например, в Индии охотился на львов и тигров, то, зная свою слабость, всякий раз, бывало, нарочно запасался несколькими носовыми платками.

Во время диалога своего с тетушкой Иван Петрович раз только, и то безуспешно, обратился к безмолствовавшей племяннице. Она сидела как на иголках и, нечаянно встретясь глазами с молодым гостем, быстро потуплялась. Когда же он теперь, чтобы рассмешить ее, упомянул о своей удивительной чувствительности, она не могла уже удержаться и фыркнула, но тотчас еще пуще устыдилась и прикрыла рот платком.

Фрёкен Хульда укорительно покачала ей головой, а затем с достоинством обратилась к гостю:

– Так вы были в Индии? А почему там, не можете ли сказать мне, индюшки?

Теперь и Иван Петрович вынужден был закусить губу...

– Почему индюшки? Виноват, не справлялся, но почему слоны...

– А там кушают и слонов?

– Самих их на стол не подают – немножко грузны, – но хоботы их у туземцев одно из самых лакомых блюд.

– И вы тоже ели их?

– Как же не отведать? И могу уверить вас, что весьма недурно.

– Но из-за хобота убивать целое животное...

– Я думаю, и из-за клыков? – решила в первый раз подать голос фрёкен Хильда.

– Совершенно верно, – подтвердил с поклоном Иван Петрович, – а хоботы уже кстати: зачем им пропадать? Если мне было жаль убивать слонов, так более потому, что они так умны – умнее иного человека. Только под старость тоже теряют память. У меня, например, был старый слон, так тот, чтобы чего не забыть, завязывал себе всякий раз хобот узлом.

Теперь и у тетушки не могло быть сомнения, что язык у гостя без костей, и она, невольно также улыбнувшись, заметила, что «господин маркиз, кажется, как все французы, большой фантазер и охотник до сказок».

– Да, – отвечал он, – сказки – слабость моя с раннего детства. Но тогда я особенно любил такие, где встречалось побольше пряников и орехов, а в настоящее время меня гораздо более интересует какая-нибудь пулярка с фаршем, да и не в сказке, а на столе передо мною.

– Ах, Боже мой! – спохватилась тут фрёкен Хульда. – А мы-то вам до сих пор еще ничего не предложили! Для обеда еще рано, но вы позволите хоть чашечку кофе?

– Тетенька, я пойду, заварю... – вмешалась фрёкен Хильда и вспорхнула с дивана.

– Сиди, сиди! – остановила ее тетушка. – Я сама распоряджусь.

– Но зачем же, тетенька... Позвольте уж мне...

– Ты не знаешь, милочка, где что взять, – решительно заявила фрёкен Хульда, которой, по-видимому, хотелось угостить молодого ценителя вкусных вещей чем-то особенным собственного изделия. – Сиди и займи покуда господина маркиза.

Молодые люди остались вдвоем.

Глава девятая

*Детство веселое, детские грезы!
Только вас вспомнишь, – улыбка и слезы.*

Никитин

*Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться, –
Не можно век носить личин,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.